Пропавшая ватага

Автор:
Андрей Посняков

Пропавшая ватага

Андрей Посняков

Александр Дмитриевич Прозоров

Драконы Севера #5

Прошло два года с тех пор, как отряд казаков, отколовшийся от ватаги Ермака, обнаружил мир, где древние колдуны сир-тя зажгли второе, магическое солнце. Благодаря ему на Севере возник оазис, в котором ожили могучие «драконы» – динозавры. Построив Троицкий острог, казаки с атаманом Иваном Егоровым во главе отбивали нападения колдунов, высылая время от времени малые ватаги за золотом. И надо же было такому случиться, что одна из ватаг не вернулась. Никто из казаков не верит, что такие бывалые воины, как сотник Силантий, немец Штраубе, походный атаман Матвей и верная супруга его, хитроглазая колдунья Митаюки-нэ, могли пропасть совсем уж бесследно, поэтому на поиски их снаряжается отряд из лучших казаков…

Александр Прозоров, Андрей Посняков

Пропавшая ватага

***

Разработка серийного оформления С. Власова

Иллюстрация на обложке В. Ненова

© Прозоров А., Посняков А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2015

Глава I. Весна 1585 г. Троицкий острог

Друзья-враги

Атаман Иван Егоров сын Еремеев, высокий, плечистый и вполне еще молодой, хоть и уже вошедший в солидную мужскую стать – как-никак, под тридцать, – поглядев на спящего в колыбели сынишку, привлек к себе жену, погладил по плечу, уселся на лавку рядом и, покусав губу, негромко молвил:

– Эх, милая моя Настя, чую, грустновато тебе здесь, в остроге дальнем…

– Да что ты, милый!

Супружница вскинулась – совсем еще юная, стройненькая, как девчонка, с распушенными по плечам локонами цвета теплой коры каштана.

– Что ты…

– Нет, не спорь, – мягко возразил Иван. – Уж я-то знаю. Чувствую, вижу. Что у нас тут? Три десятка казаков ныне осталось да дикарки местные. Подружки-то – Олена, Онисья с Авраамкою – тоже, пожалуй, скучают…

– Да некогда нам скучать, милый! – Настя прильнула к мужу, заластилась, словно кошка, взобравшаяся к любимой хозяйке на руки – вот-вот замурлычет. – Работы-то в остроге много.

Атаман вздохнул:

– Работа работой, а хочется иногда и многолюдства, праздника!

– То-то я и смотрю – ты нынче грустен, не я!

Улыбнувшись, юная атаманская женушка приспустила кухлянку, обнажив нежную шею, чуть тронутое загаром плечико. Оглянулась невзначай на сынишку – тот спал, счастливо пуская пузыри – да запустила руку под рубаху мужу.

– Теплый ты какой, милый… горячий…

Губы супругов слились в поцелуе, поначалу легком и быстром, словно дуновение весеннего ветерка, пахнущего мимолетным запахом пряных степных трав, а затем – постепенно – тяжелеющем, наливающемся жаркой сладостью, негой и страстью. Озорно сверкнув глазами, Настя стянула с мужа рубаху, чувствуя, как крепкие мужские руки гладят под нарядной кухлянкою – подарок подружки, Тертятко-нэ – спину, плечи, а вот горячие пальцы, поласкав пупок, дотронулись до груди, сжимая соски…

Застонав, Настя откинулась на ложе, чувствуя, как любимый супруг ловко и быстро освобождает ее от одежды – вот стащил, бросил на лавку кухлянку, узкие оленьи штаны… Прикрыв глаза, дева подалась навстречу, чувствуя, как нахлынувшая вниз живота горячая волна накрывает ее с головою, а душа уносится куда-то высоко-высоко в небо. И не стало вокруг ничего – ни хором, пусть небольших, зато – атаманских! – ни острога, ни блеклого северного неба, озаренного сиянием двух солнц: обычного, весеннего солнышка и яростного светила народа сир-тя, зажженного в незапамятные времена злобной колдовской силой.

Жар колдовского солнца слабо доходил до острога, поставленного казаками на самом краю владения сир-тя, полуострова, прозванного народом ненэй-ненэць – «Я-мал», что на их языке и значило – «край земли». Пылающее светило давало жизнь и благоденствие не только колдунам и их народу, но и множеству злобных и коварных тварей: свирепым зубастым двуногам – ящерам высотой с колокольню, зубастым нуерам, огромным длинношеям, водяным змеям, толщиной с добрую вязанку дров. Да кого только тут не водилось! Колдуны сир-тя умели заставить всех исполнять их волю… всех, кроме явившихся два лета

назад казаков. Крепкое воинское умение, пищали и пушки, и паче того – Божье слово и сила животворящего Креста оказались сильнее заговоров сир-тя, многие города колдунов пали, и много золота обрели казаки – затем сюда и явились! За тем и послали еще по осени небольшой отряд в поход по дальним селениям – ближние-то уже давно были разорены, а их золотые идолы пополнили общую казну ватаги. Поселки, правда, все были по большей части мелкие, на крупные и богатые города – имелись у сир-тя и такие – пока не хватало сил. Да и с мелкими-то пришлось повозиться – окруженные гнусными тварями и надежной защитою оберегов, селения колдовского народа представляли собой далеко не легкую добычу, и, если бы не беспечность да самомнение колдунов, вряд ли ватажникам удалось бы добиться того, что они уже сделали, разорив немало земель, награбив немало золота. Впрочем, золота много не бывает – это в ватаге твердо знали все. Отрядец, опять же, послали, как только запаслись по осени мясом шерстистых слонов – товлынгов. А что еще зимой делать-то? На печи лежать? Вот и выкрикнул на кругу уважаемый всеми казак Матвей Серьга – мол, а не пойти ли малой ватажкою в набег лихой дальний? Людишек тамошних, силы еще казацкой не ведавших, примучить, золотишко добыть – худо ли? Знамо дело, не худо. Так и порешили на кругу, ватажку отправили, Матвея атаманом поставив. Окромя самого Серьги еще несколько уважаемых казаков с нею отправились – десятник Силантий Андреев, казак осанистый, справный, да Ганс Штраубе, кондотьер немецкий, давно уже за своего ставший, да сам отец Амвросий – слово Божие северным дикарям нести возмечтавший. Остальные ватажники – все молодежь неженатая, им в поход дальний – любо: племянник Силантия Кудеяр Ручеек, Семенко Волк, кудрявый Евлампий с дружком своим Никодимом да прочие такие ж. Ушли по осени – и с той поры – ни слуху ни духу. Ни сами не возвернулись, ни вестников-гонцов не прислали. Тревожило то атамана сильно.

Вот и сейчас…

Погладив жену, Иван уселся на ложе, задумчиво потерев на правом виске оставленный татарской стрелою шрам.

– Что закручинился, любый? – снова прильнула жена. – Ватажку Матвея вспомнил?

– Умная ты…

– Ничего, – Настя весело засмеялась. – У Матвея тоже супружница умная. Ах, Митаюки-нэ… Я даже по ней скучаю, ага. И по Устинье… Устинья…

Юная атаманша вдруг нахмурилась и вздохнула:

– Все до сих пор гадаю – чего ж она так… взяла вот – и сгинула.

– Не сгинула, а на Печору-реку, в острог Пустозерский, подалася, – напомнил Иван. – А с ней – и воздыхатель ее малолетний, Маюни – шаман да проводник знатный. С ним не пропадет!

– Ага, не пропадет… Коли он ее нагнал!

– Нагнал, – убежденно тряхнул головой атаман. – Маюни – остяк, почти местный.

– Устинья на меня все сердилась, – Настя снова вздохнула. – Слухи ползли, будто я про нее говорила невесть какую чушь! А я ведь… ни разу! Никогда!

Юная атаманша, неожиданно всплакнув, припала к мускулистому плечу мужа, глянула искоса:

– Ты-то хоть мне веришь, Иван?

– Верю, – погладив супружницу по волосам, казак улыбнулся. – За Устинью я не волнуюсь, не-ет… А вот за Матвея да ватажку его… Неужто – сгинули?

– Да не может такого быть, чтоб сгинули! – Настя передернула плечами. – Что они, дети малые? Опытных казаков полно – сам Серьга, да Ганс, да Силантий, да отец Амвросий в придачу! И вообще – в первый раз, что ли? Зелья порохового у них полно, припасу боевого в избытке. Тем более – Митаюки…

– Да, Митаюка все пути-дорожки здешние добре ведает, – степенно согласился Иван. – Хорошая жена Матвею досталась. Жаль только – не венчаны, да и детишек пока Бог не дает.

– Потому и не дает, что не венчаны! – Настя фыркнула, накидывая кухлянку – показалось, будто невдалеке, у крыльца, послышались чьи-то шаги.

Мимо кто шел? Иль к атаману с делом каким? Хм… и какие дела-то в такую-то рань? Солнце вон за окном еще не показалося, да и колдовское не в полную силу светит – сиреневой луною над дальним лесом висит.

– Нет, все ж таки, мыслю, должны бы они к весне либо гонца послать, либо сами явиться, – одеваясь, рассуждал сам с собой атаман. Так и на кругу решено было.

Настя не слушала мужа. Поднялась, да, колыбельку качая, в мысли свои погрузилась. Про Устинью задумалась, про Митаюки, про все свое житье-бытье.

Прав ведь и Иван, прав – иногда такая скука нахлынет, что просто волком выть хочется! Вспомнится город родной, ярмарки многолюдные, веселье! Вроде б и не шибко-то хорошо жила Настя, а вот, поди ж ты, плохое-то почти что и не вспоминалось, все больше – хорошее. Как с девками на качелях качались, как пироги ели, сладкие, с ревенем, как… А потом – полон татарский, насильничанье и пустота – тьма. Не казаки бы, не Иван… где б сейчас была-то? Да и все остальные девы… Ах, Устинья, Устинья, жаль, что острог покинула, ну да, дай бог, остяк Маюни ее догнал, отыскал, теперь, поди, вместе обживаются на Пустозерье… Ага, обживаются! На какие шиши, интересно? Доли-то своей молодой остяк не забрал, да и вообще, похоже, о ней не думал – за Устиньей следом кинулся. Ну, рыбу-зверя запромыслить умеет, к артели какой-никакой пристанет – проживут. Иное беспокоит боле – ватажка Матвеева. Неужто и впрямь – сгинули? Этакие-то опытные казаки? Да еще и Митаюки с ними – дева рассудительная, умная, к мужу своему, Матвею Серьге, привязчивая, да и так – для всех в остроге хорошая. С каждым поговорит, каждому улыбнется, для каждого слово доброе молвит – краса дева! Так-то оно так… но вот раньше Насте казалось, что добрей да услужливей Митаюки, кажется, и нет человека, а сейчас… сейчас вот так почему-то не кажется. Почему? Поди, разбери. Может, просто потому, что саму-то Митаюки Настя давненько уже не видела.

По крутым ступенькам крыльца застучали сапоги – значит, не показалось, и впрямь шел кто-то. И кого это с утра-то пораньше принесло?

Вот – слышно было – ходок шумно высморкался, стукнул в дверь:

– Дозволь доложить, господине.

– Доложить? – выйдя в неширокие сени, атаман отворил дверь. – А, это ты, Якиме. Заходи, заходи, садись вон на лавку, в горнице.

Верный атаманов оруженосец Яким, перекрестившись на висевший в углу образок Николая Чудотворца, поклонился скромненько – весь из себя неприметный, простоволосый, молчальник, слова лишнего клещами не вытянешь. Ростом невысок, однако жилистый, сильный, а ходил всегда неслышно, как тень.

– В море что-то не то, атамане, – откашлявшись, доложил Яким.

Егоров невольно напрягся:

– Что значит – не то? Колдуны на драконах своих кружат?

– Не колдуны, господине. Думается – лодка.

– Почему думается? – повел плечом атаман.

– Далеко еще, видать плохо. С юга идет, с колдовской землицы…

– Или вдоль берега кто-то с Печоры-реки плывет-добывается, – озабоченно перебил Иван. – Эх, труба моя зрительная куда-то задевалась! С осени найти не могу. Сейчас бы пригодилась – увидели бы, кто там веслами машет. Ла-адно, так поглядим – пошли.

Оба – впереди атаман, следом за ним – оруженосец – вышли из недавно сложенной избы и зашагали к надвратной башне острога, выстроенного казаками на небольшом островке посреди холодного северного моря, чтоб никакому зверью хищному – а на том берегу таковых многонько шлялось – не донырнуть, не доплыть было. Добрый острог сложили – шагов триста в длину и двести в ширину, могучие стены из засыпанных камнями и галькой срубов высотой в пять человеческих ростов, еще и подвесной мостик, и ворота с башнею – на нее сейчас и подымались, с нее и махал часовой – молодой казак Короедов Семка. Отрок еще безусый совсем, одначе в походах опытен и к пороховому наряду падок зело.

– Здрав будь, атаман-батюшка! – браво выпятив грудь, выкрикнул Семка.

– И тебя да хранит Господь. – Иван одобрительно покивал, показывая, что зоркостью караульщика весьма даже доволен. – Ну, что там насмотрел?

– А вон! – парень махнул рукой к югу, где посреди синего моря маячила темная точка.

– Может, какой зверь морской? – прищурил глаза атаман. – Или ктой-то из зубастых гадов. А зубастые сами в этакую холодрыгу не полезут – знать, колдуны направили.

– Может, и зверь, – тихо промолвил страж. – Токмо думается мне все же – лодка. Вона как волна-то играет.

– Да, похоже, лодка, – атаман присмотрелся. – И весла – вижу теперь. Челнок малый, не струг… И кто бы это мог быть-то?

– А не Матвеевы ли то казаки? – неожиданно предположил Короедов.

Иван дернул шеей:

– Те не с той стороны должны бы. Скорей – народец морской морей промышлять вышел, да вот отнесло к колдовским берегам. Ладно, что гадать? Подождем – увидим.

Ждали недолго – едва заметная точка, подгоняемая ловкими взмахами весел и ветром, вскоре превратилась в узнаваемый облик обтянутого шкурами челнока, в котором сидели двое. Лиц было не разобрать, однако правивший челноком человек вел свое суденышко вполне уверенно – прямо к причалам.

– Может, из пищалицы пальнуть? – запоздало предложил Семка. – Для острастки!

– Я вот тебе пальну! – Атаман уж хотел было отвесить парню подзатыльник, да вовремя передумал – не солидно как-то.

Спустился – верный Яким следом – во двор, махнул рукой воротным, что открывали да спускали мосток. Все сделали быстро, ни одна петелька не скрипнула, ни один ворот – слава богу, уж чего-чего, а рыбьего жира в остроге хватало, да и сала тюленьего имелось в избытке – чего хочешь смазывай!

Перепрыгнув через плоский камень, Иван остановился в нескольких шагах от причала, у покачивающихся на мелкой волне стругов, глядя, как ловко, привязав челнок, на берег выбрались двое. Атаман улыбнулся – узнал уже. Распахнул объятия…

– Вот кого не ждал, гости дорогие! Ну, рад! Рад.

– И мы рады, да-а…

Поклонившись, произнес Маюни, юный остяк, проводник и шаман, еще по осени отправившийся вслед за любовью своей, Устиньей. Девушка тоже поклонилась, однако вслух ничего не сказала и поплотней запахнула кухлянку, словно бы замерзла… или просто все еще была сильно обижена.

– Рад, что вы оба вернулись в здравии! – Иван похлопал хрупкого с виду остяка по плечу и еще раз добавил: – Рад.

– Мы не вернулись, однако, да-а… – Темно-зеленые, цвета еловых лап, глаза Маюни сверкнули обидой и вызовом. – Долю свою заберем и уйдем, да. Ведь доля-то мне положена?

– Ах, вот вы зачем… – Егоров задумчиво потрогал шрам и продолжал дальше, впрочем, без всякого гнева, лишь с грустью: – Жаль, жаль… Я-то думал… Однако – что ж, неволить не буду. Долю свою заберешь, добра ты ватаге сделал немало. Однако допрежь того – заходите же, отдохните с дороги. А вечером о странствиях своих поведаешь!

Шаманенок неожиданно улыбнулся:

– Поведаю, да!

Потом обернулся, показал на Устинью, так и не проронившую еще ни слова:

– Ус-нэ краса ныне жена мне!

– Рад!

– Позволь, атаман, чум на бережку поставить. В остроге мы ночевать не хотим.

– Чум? – почесал затылок Иван. – Да ставь, твое дело. В острог-то – что? Совсем не пожалуете?

– Я приду, да-а, – остяк стукнул себя кулаком в грудь. – Вечером. Она, – он кивнул на Устинью. – Нет.

– Понимаю – обижена. Интересно только – за что? Ла-адно… – холодно улыбнувшись, Егоров махнул рукой. – Устраивайтесь, я прикажу, чтоб вам не мешали.

– Благодарствую, атаман.

– А ближе к ночи – жду.

– Маюни? Устинья?! – покормив сына, Настя радостно сверкнула очами. – Так они живы? Вернулись! Вот радость-то!

– Не особо-то они радостны, – сквозь зубы промолвил Иван. – Видеть никого не хотят, в острог не идут, чум себе разложили наособицу. Да и не вернулись – Маюни за долей своей приплыл.

– За долей… – тихо повторила дева. – Вот оно как. Видать, не оттаяла сердцем Устиньюшка.

– Да что про нее такое наговорили-то, что пришлось с острога сбежать, мать так-растак? – атаман в сердцах выругался.

Настя закусила губу:

– А ты будто не знаешь?

– Так, краем уха слыхал что-то… Да дел у меня нет других, что ли, как только в сплетни бабьи влезать?! Да ты не серчай – напомни. Может, и скумекаем чего? Остяка мне отпускать больно уж неохота, проводник славный… да еще и бубен у него. А сила у того бубна против колдовских чар – почти как у Божьего слова… Меньше, конечно, но – почти.

– Я знаю, милый… – Атаманша ловко перепеленала ребенка и продолжала, усадив сынишку на пол, забавляться сделанными из деревянных чурок игрушками. – Ты просишь напомнить… Слухи вдруг пошли про Устинью. Ну, помнишь, как ее тогда дикари-людоеды снасильничали? Ну, эти… зверолюди-менквы. Она еще тогда руки на себя наложить хотела?

– Да помню.

– Так вот, осенью, вдруг ни с того ни с того и пошли слухи: мол, так сладко с менквами, прости господи, спариваться, что кто один раз попробует, то и мужиков боле иных не надобно! Про то глупые девки сир-тя, полоняницы наши, всем гуртом обсуждали, смеялися да Устинью пытались расспрашивать. Вот и я, грешная… спросила. Просто так, ничего дурного не думала! Вот дура-то! Как думаешь, может, стоит сходить к Устиньюшке, помириться, прощения попросить за любопытство свое глупое?

Опустившись на корточки, Иван погладил по голове сына:

– Не знаю даже. Ну, попробуй, сходи.

– Сейчас нянька явится… Должна бы уже прийти… ага, вон она.

Нянька, одна из молодых девиц сир-тя по имени Аллиш-ка, явившись, первым делом бухнулась на колени да принялась что-то лепетать, видать, прося прощения за то, что поздно нынче явилась – проспала, дескать.

– Ладно, ладно, – махнула рукой Настя. – Играй вон, присматривай… а я быстро управлюсь.

По-девчоночьи легко юная супружница атамана, выскочив из избы, пробежала по подвесному мосту да спустилась вниз, к причалам, на бегу махая рукой оправлявшимся за рыбою казакам, как раз садившимся в струг. Молодежи – Тошке Игумнову, Ухтымке, Яше Вервеню и прочим – всем скопом, уважаемым же, матерым казакам – каждому по отдельности нашлось слово:

– Здрав будь, дядюшка Кондрат! Как рука, не болит ли?

– Ничо, Настенушка. Ныне прошла уж! Слава те господи, отболела.

– Удачи во всем… и тебе, кормщик добрый, Кольша!

– Тебе тоже удачи, Настя. Чего к нам не захаживаешь?

– Зайду еще. Да ведь и так, почитай, с Авраамкой твоей все время вместе. Ой, Михей! Ты что же, дубинищей своей рыбу бить собрался? Смотри, распужаешь только.

– Рыбу, Настена, не рыбу – а вдруг зверь какой? Морж или нуер чертов?

– Да нуер-то по такой хладной воде не пожалует.

– Ла-адно, Бог вам в помощь!

– И тебе…

– Добра жонка у нашего атамана, – посмотрев вслед убегающей деве, одобрительно засмеялся здоровяк Михейко Ослоп, прозванный так за любимое свое оружье – изрядных размеров дубину, в бою запросто валившую всадника вместе с конем.

– У Серьги тоже добрая – Митаюка, – промолвил кто-то из молодых казаков. – Где ж только запропастился?

– Атаман сказывал – круг вскорости собирать будет, – уверенно пояснил Михейко. – Решать, на выручку кто пойдет. Путь-то их, слава богу, известный. Ну… почти…

Яшка Вервень встрепенулся и потер руки:

– Я б с радостию пошел!

– И деву свою младую оставил бы? Ась?

– Так ведь, дядько Кондрат – не навсегда ж! Выручим своих и…

– Я б тоже пошел!

– И я.

Один Михейко ничего не кричал, молча отвязывал причальный канат да думал – никому не мешая, не торопясь, – как всегда и любил. Умен был бугаинушка – не отнимешь! Правда, мало кто про ум его ведал, пожалуй, один лишь атаман и знал точно. Сейчас дубинщик подумал вдруг про Настю и Митаюки. Другим эти девы просто к слову пришлися, а он вот взял и сравнил. Обе – Митаюки с Настеной – чем-то похожи были, не внешне, конечно, а внутренне – обе дружелюбные, улыбчивые, только… Только вот взять Настю – и на глазах она, и когда не видать – одно и то же про нее – хорошее и доброе! – думается, а вот про супружницу Матвея Серьги – немножко не так. Михейко вот вспомнил – ежели на глазах Митаюки, тут где-то, рядом трется, так кажется, что одним видом своим душу греет, будто милее ее и нет никого в целом свете, а с глаз долой, то уже немного не то – да, и миленькая она, и добронравная, и хорошая-то для всех, а все же… не так, как ежели на глазах, рядом. Очаровывает, что ли, Митаюки одним своим видом? Так ведь и очаровывает, бугаинушка давно к сей деве присматривался, все думал-гадал – не чаровница ли? Теперь вот рассудил так – чаровница, тут и думать нечего! Так вот и к лучшему, пусть даже и мужа своего Матвея Серьгу Митаюки очаровала, так ведь любит его по-настоящему – это и слепому видать. Так что, выходит, все чары ее – казакам на пользу.

Отчалил струг, выперся веслами на полную воду – по указу кормщика Кольши Огнева казаки подняли мачту, вздернули парус, поплыли, хватая ветер, не ходко – в этих местах рыбы почти везде полно, далеко ходить незачем.

– Ух ты, гляньте-ка – шатер чей-то! – оглянувшись, с удивленьем воскликнул Ухтымка, казак уже женатый, однако сохранивший вечную свою почти детскую

удивленность – ух ты! – за что и прозвали когда-то Ухтымкой.

– То Маюни-остяк с Устиньею возвернулся, – со знанием дела пояснил Яшка Вервень, тоже уже женатый на субтильной красавице Ябтако-нэ, что была родом из дальних северных земель, когда-то разграбленных ватагой во время бесшабашного и лихого налета.

Молодую полоняницу казак – так уж вышло – в жены взял честь по чести – испросил руки у ближайшего родственника, старшего брата, ныне обретавшегося бог знает где, в странной компании местного колдуна-изгоя Енко – приблудного дружка самого атамана Егорова. Да многие казаки брали в жены местных – а те не дичились, на сожительство шли с охотою, понимали вроде, как когда-то та ж Митаюки или подружка ее Тертятко-нэ – уж лучше один мужчина, чем скопище. В общем-то, всем было от того хорошо – и (понятно) казакам, и полоняницам-девам, коих никто уже не охранял и не считал за пленниц. Все вместе – посадом, у стен крепости-острога – и жили, кто в чумах, а кто и в недавно срубленных избах, путь и небольших, да зато своих, личных.

– А чего ж остяк-то – наособицу решил? – вытянув тощую шею, поинтересовался Игумнов Тошка. – И как у них с Устиньей-то?

– Хорошо у них с Устиньей, – выказывая свою осведомленность, снова заважничал Вервень. – Вроде как муж и жена теперь, мне про то Семка Короед сказывал, а ему – Яким.

– Ой, Короед! – отрываясь на миг от тяжелого рулевого весла, вплеснул руками кормщик. – Нашли кого слушать. Семка соврет, недорого возьмет.

Яшка шмыгнул носом:

– За что купил, за то, робяты, и продаю. А правда иль нет – судить не берусь.

– Дак чум-то – точно остяка? Маюни?

– Его. Так Семка сказывал, с ночной сторожи сменясь.

– Хэ! Семка.

– Да вон он, остяк-то, на бережку с острожкою! Небось рыбки набить вышел. Эй, Маюни!!! Эге-е-ей!

Казаки замахали руками, стоявший на камнях с острогою остяк вздрогнул, поднял глаза… заулыбался, махнул:

– Пусть ваш день будет рыбным! Да поможет вам Нум-Торум и повелительница вод, великая гагара.

– Эй, э, остяк! Заходи вечерком к костерку. Посидим, покушаем!

Ничего больше не отвечал Маюни, лишь снова помахал проплывавшему мимо стругу рукой, да вдруг почувствовал, как защемило сердце.

В Доме девичества ее прозвали Меретя – Быстроногая, – и прозвали не зря, Меретя все время торопилась, всегда: где бы можно было пройти пешком – бежала бегом, где б посидеть или вообще прилечь – волчком вертелась, в спокойствии ей было плохо. Когда пришли белокожие варвары, уничтожив селение и забрав с собой оскверненные статуи великих богов, быстрые ноги все же не помогли Меретя спастись – попалась, как белка в ловушку, в плен, правда, там с ней ничего плохого не делали – пару раз только и возжелали, может, потому что Меретя казалась куда младше своих лет, да и вообще выглядела не особенно привлекательно – угловатая, тощая, почти безгрудая, с несуразно большими коленками и остреньким, сильно выдающимся вперед носом. Да уж, не красавица, не дали боги… Зато дали покровительницу – Митаюки-нэ, жену одного из варваров и… и колдунью, это уж Меретя хорошо чувствовала. Не то чтоб Митаюки-нэ особенно покровительствовала этой несуразной девчонке, нет, просто пару раз просила о каких-то мелких услугах – кореньев для амулетов выкопать, цветов нарвать, а уходя с мужем в дальний поход, протянула Меретя засушенный стебелек таволги, обмотанный какой-то нитью. Меретя догадалась сразу – чай, не дура! – не простой это стебель – амулет наговореннный.

– Не знаю, пригодится ли, – поведя плечом, сказала тогда Митаюки-нэ. – Но пусть у тебя будет. Ежели что – он тебе скажет, что делать.

Так и пролежал сухой стебель таволги всю зиму засунутым за притолочину под навесом, где обычно казаки раскладывали вечерами большой костер, варили,

жарили, ели да сидели – смеялись. Не только казаки сидели – все девы тоже. И Меретя. Ни разу таволгин стебель о себе не напомнил, да девушка уже и забыла про него, как вдруг сегодня поутру…

Еще солнце не встало, а Меретя уже почувствовала что-то не то. Словно что-то острое кололо в бок, куда-то влекло. Едва протерев глаза, Быстроногая поняла – куда. Под стреху, к таволге! Вытащенный из тайника стебель уже не казался сухим, наоборот, он был живым и… опасным, словно ядовитая змея. Как змея, он раскачивался из стороны в сторону и, кажется, даже шипел! А взятый в руку – властно указывал путь, тащил куда-то… Куда-то на побережье, за болотце, на дальний островной мыс, где высился чей-то недавно поставленный чум. Небольшой совсем, маленький… и к этому чуму Меретя шла не одна! Впереди, с распущенными волосами цвета дубовой коры, бежала белокожая дева. Они пока все были для Быстроногой на одно лицо, но эта… эта, кажется, жена самого главного вождя!

Меретя чуть сбавила шаг, отстала… затаилась в густых зарослях можжевельника, искоса поглядывая на зажатый в ладони стебель – что-то он еще попросит, что?

– Устинья! – подойдя к чуму, негромко позвала Настя. – Ты здесь?

– Здесь, – немного погодя из чума послышался усталый голос.

Полог откинулся, и Ус-нэ выбралась наружу – в расшитой ракушками и ремешками кухлянке из тонкой оленьей кожи, в таких же штанах и мягких полусапожках-торбасах. В такой одежде не жарко в зной, не холодно в непогоду, и мошка, гнус, ее не прокусывает. Ватажники тоже шкуры выделывали, шили.

Поначалу Устинья вроде бы обрадовалась, но тут же закрылась, спряталась, словно в раковину улитка.

– Зачем ты пришла?

– Спросить. Просто спросить, – поспешно пояснила юная атаманша. – Спрошу – и тут же уйду, коли ты совсем не желаешь меня видеть.

Беглянка кивнула:

– Ну, спрашивай.

– Всего-то и спрошу малость – почему? – Настя покусала губы и, потупив взор, исподлобья посмотрела на собеседницу.

– Что – почему? – скривилась Устинья. – Ты спрашиваешь, почему я убежала из острога, уплыла в утлой лодке куда глаза глядят? А ты сама не…

– Нет! – Настя торопливо вскинула голову. – Я хочу знать вовсе не это. Другое – почему ты виноватой считаешь меня? Я ведь чувствую это… так?

– Так ты же и раз… разболтала, растрезвонила всем – а еще подруга…

– Я?! Да кто тебе о этом сказал?!

– Так ты сама и спрашивала – вспомни?!

– Я… я просто так. Из любопытства дурного. Но слухи… они шли и раньше, их девы сир-тя распускали…

– Проклятые колдуньи!

– Не все они колдуньи. Им кто-то мог приказать… кто – еще не догадалась?

– Ты думаешь – это дело рук Митаюки? – удивленно моргнула Устинья. – Но… зачем ей?

– Я пока над этим не думала, – со вздохом призналась Настя. – Хочешь – давай вместе порассуждаем?

Стебель таволги в руках прячущейся неподалеку девчонки дернулся, изогнулся, словно боевой лук, готовый пустить отравленную стрелу прямо в сердце врага! Явственно запахло медом – таволга иногда именно так и пахла, – а еще – кровью, видать, амулет был заговорен на крови.

Что-то словно б ударило Устинье в голову. Будто бы кто-то вкрадчиво зашептал на ухо, напоминая весь давний позор, – менквы, насильники… никакой мужчина так не может…

– Господи-и-и-и!!!

Девушка дернулась, синие очи ее вновь вспыхнули обидой и гневом.

– Нет! – тряхнув головою, громко выкрикнула Ус-нэ. – Ступай прочь! Уходи сейчас же. Я не желаю с тобой говорить.

– Но…

– Уходи! Прошу же!

И столько было во взгляде Устиньи озлобленности, обиды и отчаяния, что Настя решила не искушать дальше судьбу, в конце концов, насильно мил не будешь. Махнула рукой да зашагала обратно к острогу, грустная и немного обиженная. Ну, ведь не виновата она ни в чем, не виновата! А кто тогда виноват? Митаюки? Так и впрямь – ей-то это зачем? Муж ее любый, Матвей Серьга, вроде бы на Устинью-то не заглядывался. Он вообще ни на кого не заглядывался, в очи смуглокожей ладе своей смотрел, словно привороженный. Привороженный…

Нет, нет, это не Митаюки – кто-то из своих сболтнул, кто знал. Знамо, из дев кто-нибудь, а может, и казаки – они тоже не хуже баб сплетни сводить любят.

– Эй, Маюни – как улов? Много добыл белорыбицы?

– Атаман?

Остяк сделал вид, будто только что заметил лодку и сидевшего на веслах Егорова. Скривился, правда, тут же улыбнулся – вести себя иначе казалось юному шаману как-то не по-людски. Сам атаман ни ему, ни жене его, красавице Ус-нэ, ничего плохого не сделал, разве что супружница атаманская, Настя, несдержанной на язык оказалась… Но сам-то Иване Егорович…

– Проходи, атаман, к моему костру – гостем будешь, да.

Этого Иван и хотел – переговорить с парнем заранее, до созыва казачьего круга. Может, и получится уговорить остаться, ну а нет, так попытаться хотя бы.

– С удовольствием рыбки твоей отведаю, коли зовешь.

Отдав улов Устинье, атаману глубоко поклонившейся, Маюни уселся рядом с только что разведенным костром, подкинул плавника да сухих веток, благодаря колдовскому солнцу кустов на островке хватало, хватало и хвороста, хоть на зиму, конечно, заготовляли дровишки на материке – тащили, сплавляли морем толстенные бревна. Они же и на избы шли – кто хотел строиться.

– Ну, рассказывай, – присев рядом на камень, тихо промолвил Иван. – Как Устинью свою нашел, как зиму пережили, до Печоры-реки добрались ли?

– Не добрались, – вздохнув, односложно ответил Маюни. – Зиму на берегу переждали.

Атаман недоверчиво вскинул глаза:

– Это у моря-то Студеного? Без избы, без печки?

– Чум сладили, охотились – так и жили, – пожал плечами остяк. – Я Ус-нэ уже едва ль не мертвой нашел. Хорошо, Митаюки-нэ подсобила, подсказала, где суженую мою искать! А я ведь ее не любил, Митаюку, злобной колдовской тварью считал, обзывал всяко… а она – вон как! Теперь совестно, стыдно, да-а. А здесь не останемся, не проси, атамане. Ус-нэ моя с позором жить не сможет. Не может и в тундре, в тайге, к людям хочет. Потому и за долей пришел. В Пустозерском остроге избу сладим… или еще в какой земле.

– Да уж, Строгановых обойти не получится, – Иван негромко рассмеялся. – Лучше, правда, к поморам, на Студеное море уйти. Но то – далеко больно.

– А где это? – заинтересовался остяк. – Как далеко?

– То тебе в Пустозерье скажут, – атаман, зевнув, отмахнулся. – Да и зачем вам туда? Чай, и Строгановым добрые проводники да звероловы нужны – с голоду не помрете. Но и своим умом жить вам не дадут, о свободе забыть можете.

– Дом свой поставим, – упрямо повторил Маюни. – Избу. Заживем.

– А ты сможешь – в избе-то?

– С ней… – остяк с улыбкой кивнул на чистящую рыбу супругу. – Везде смогу! Великие боги исполнили мечту мою сокровенную – жену такую дали, да-а. Теперь мне боле ничего и не надобно.

– Окромя изб, хоромин, людишек…

– Люди – то не мне, – скривился юноша.

Атаман покивал:

– Знаю, знаю – ей. Ну, коль так решил – упрашивать-неволить не стану. На кругу, думаю, согласятся все. Все тебя знают, уважают. И Устинью твою…

– Вот за Устинью-то мне и боязно. Не сможет она здесь, руки на себя наложит, да-а.

Иван ничего не сказал, лишь развел руками: а что тут скажешь – прав Маюни! На каждый роток не накинешь платок, слухи так запросто не пресечешь. Да и не столько в языкастых казаках да бабах дело, сколько в самой Устинье. Коли здесь останется, ей всегда, до скончания веков в каждом взгляде будет насмешка чудиться, а в каждой улыбке – злой похотливый хохот. Кто ж такое выдержит-то, а?

– Спасибо за рыбу, Маюни… – молча сжевав ароматный, жаренный в углях кусок, поблагодарил атаман. – И тебе спасибо, хозяйка. Ты уж на нас не держи зла.

Устинья неожиданно улыбнулась, спокойно и как-то грустно, но тут же опустила глаза, украдкой взяв за руку молодого супруга. Тот обернулся, шепнул что-то ласковое… Иван попрощался, ушел, понимая, что ни Маюни, ни Устинью он больше не увидит в остроге никогда. Что ж, тогда лучше расстаться друзьями.

Вечером, когда Маюни ушел на круг, Устинья, управившись с делами, прилегла в чуме. Сон не шел, да она и не думала спать, просто так, размышляя, лежала… А еще чувствовала что-то такое, не очень хорошее, вот будто бы под лопаткой свербило, словно бы укусил кто. А потом вдруг – точно так же – засвербило в боку. Поворочалась дева, выбралась из чума наружу – на вечерней-то зорьке уже было прохладно. И тоже чувствовалось, будто что-то не так! Что…

Ус-нэ вдруг услышала за спиной едва слышный шелест, обернулась… и увидела невдалеке белого златорогого оленя и важенку. Олень бил копытом, словно пытаясь затоптать что-то, а важенка жалобно блеяла… пока не исчезла вдруг вместе с оленем.

Покачав головою, встревоженная – не впервой уже такое видение – Устинья, перепрыгивая через серую россыпь камней, бросилась к тому месту, где только что стоял олень, наклонилась, на коленки встала… искала – что, непонятно, хотя… Вот! Стебель таволги! А таволга-то здесь, на острове, не росла, холодновато для нее было! Странный какой-то стебель… нитью синей опутанный… словно бы специально – сноровку – кто-то его здесь посадил, воткнул.

Дева недолго думала, выдернула стебель – по ладони полоснуло до крови, словно ножом, – сопротивлялся стебель, вырывался, вертелся, словно змея, только что не шипел! У кого другого, может, и вырвался бы, да только не у Ус-нэ! Добежала дева до моря, сунула руку в воду… придавила таволгу плоским камнем – лежи, остывай. Пошла обратно к чуму – и снова увидела белого оленя и важенку – те весело промчались мимо, исчезли. И под лопатками не чесалось больше, и в боку не свербило. Нигде. Что это ж за стебель такой? Чей?

На созванном вечером казацком кругу по первому вопросу – о доле Маюни – разногласий не возникло. Все разом подтвердили – выдать. Остяк вышел на середину, к костру, поклонился на все четыре стороны, улыбнулся застенчиво, поблагодарил.

– Люб ты нам, парень! – кругом послышались возгласы.

– Может, зря уходишь?

– Еще повремени!

– Благодарствую всем вам, да.

Не поддался юный остяк на уговоры, да атаман иного и не ждал. Что ж, пусть уходит, хотя и жаль.

– Долю твою поутру выдам, с рассветом, – улучив момент, шепнул Иван. – Подождешь?

Маюни улыбнулся:

– Не, в чум пойду, к жене. Утром явлюсь, да.

– Добро, – атаман махнул рукой. – Увидимся.

Другое нынче тревожило Егорова, давно уже не давало покоя – судьба пропавшей ватаги Матвея Серьги.

– Вот что, други, – чуть помолчав, негромко начал Иван. – Про наших все мы думаем, все возвращения ждем – уж пора бы!

– Пора, атамане, пора! – нестройным хором поддержали ватажники. – По зиме еще должны были вернуться – ан нет.

– Смекаю – надобно на поиски малую ватажку отправить! – Молодой казак Игумнов Тошка вскочил на ноги, азартно ударив шапкою оземь. – Вызнать все,

может, и подмогнуть.

– Сметливый ты у нас, Тошка, – почесав бороду, глухо засмеялся осанистый Кондратий Чугреев. – Гли-ко, без тебя бы не догадалися.

– А я что? – парень смущенно зашмыгал носом. – Я-то и говорю, что все…

– Правы вы все, други, – повысил голос атаман. – Ватагу отправить надо. Не верю я, чтоб сгинули все Матвеевы казаки безвозвратно – быть такого не может! Пусть и немного их, так там один Штраубе целого десятка стоит!

– Да, немец – казак опытный, тороватый, – ватажники согласно закивали, переглянулись. – И Силантий Андреев – не молодь.

– Отца Амвросия еще вспомните!

– Да и сам-то Матвей Серьга…

– Вот и я говорю, – спокойно кивнул Иван. – Не могли такие люди сгинуть. Отчего ж тогда не вернулись? Не прислали гонца? Ну, други, у кого какие мысли есть?

Казаки задумались, зачесали заросшие затылки…

– Может, струг у них на камень налетел, так пешком идут, – предположил Яшка Вервень. – Вкруголя, по бережку пробираются, чудищ да колдунов обходят – дорожка неблизкая, вот и подзадержались.

– Все одно, Яша, должны были уж прийти. Не век же им хаживать!

– А может, окружили их. – Костька Сиверов, поднявшись, пригладил волосы. – Обложили плотно – не дернешься и гонца не пошлешь.

– А еще могли золота столько захватить, что еле-еле тащат, – под общий смех высказался Короедов Семка.

– Эко ты Сема, загнул – еле-еле!

– Ну а что? В тех-то краях колдовской народец непуганый. А наши добычи набрали – отяжелели, не до спешки им.

– Твои бы слова, да Богу в уши, Семка, – посмеявшись, атаман посмотрел на молодого пономаря Афоню Спаси Господи, после ухода Матвеевой ватаги необычно сдержанного, молчаливого.

Ну а как же иначе? Тяжкий крест ныне нес Афоня – окормлял острожников Божьим словом заместо ушедшего с Серьгой отца Амвросия. Службу исполнял честно и себя держал как и следует – ни с какой полоняницей-девкой не путался, а токмо молился часто, поддерживал порядок в Троицкой церкви да время от времени брал челнок, навещал часовенку, пустынь, на безлюдном островке еще отцом Амвросием выстроенную. Там – в одиночестве полном – молился, лампадки жег да с Господом Богом беседовал. Ватажники Афоню зауважали – парень, кажется, не только внутренне изменился, но и внешне – ввысь еще больше вытянулся, оставаясь таким же худым, как и раньше, однако угловатость прежняя исчезла, появилась в движениях некая неторопливость, осанистось, как и положено степенному пастырю.

Уловив атаманов взгляд, Афоня поднялся, откашлялся:

– Мыслю, всяко быть может, как вы говорите – и так, и этак. И гадать тут нечего – надобно посылать отрядец. Сам готов идти с радостию и словом Христовым!

– Нет уж, Афонасий, – тут же возразил Иван. – Христово слово и в остроге не лишнее. Не ты – так кто? Других-то священников у нас и нету. А ватагу на поиски тотчас же и соберем, сам ее и возглавлю… Тише, тише, казаки, не шумите! Дело непростое, опасное, я ж, как вы знаете, в походах опытен, да еще и удачлив. С собой возьму человек с дюжину, уж не обессудьте, кого выберу, остальные здесь останутся – в остроге, чай, тоже порядок нужен, нужна и защита – вдруг да нападут поганые? Зима кончилась, лето скоро – самое время им и напасть. Ну, бог даст, до той поры мы все возвернемся с удачею.

– За себя кого мыслишь оставить, атамане? – поморщившись от кострового дыма, негромко поинтересовался Чугреев Кондрат.

– А тебя, Кондрате, и мыслю. – Иван добродушно прищурился и погладил шрам. – Тебя да Яросева Василия. А кто промеж вами главным, кто в помощниках – то

пусть сейчас круг решит. А, казаче?

– Любо атамане, любо! – одобрительно зашумели собравшиеся.

– Кондрат – мужичин степенный, уважаемый…

– Да и Вася-то Яросев не худ!

Так и постановили. Старшим в остроге на время отсутствия атамана выбрали Чугреева, помощником – Яросева. Оба за доверие поблагодарили, поклонились кругу да, помолившись, клятву служить с достоинством принесли.

Егоров руки потер да усмехнулся довольно:

– Ну, вот и славненько. Теперь – о ватаге. Думаю так – морем, на малом струге по северному пути пойдем, в реки крупные заворачивать станем, из пушек бить, чтоб издалека слыхать было. Оружия и припасу возьмем изрядно. Значит, опытный кормчий нужен – ты, Кольша!

Вскочив, Кольша Огнев поклонился. Круг загудел одобрительно – что и говорить, Кольша – кормщик опытный, справный, с таким не пропадешь.

– Ты, Якиме, тоже со мною… Вы, парни!

– Мы? – сидевшие у костра рядом молодые ватажники Тошка Игумнов и Ферапонт Заячьи Уши обрадованно переглянулись.

– Вы, вы, – подтвердил Иван. – Собирайтеся!

– Да мы…

– Ты, Михей, вижу, тоже не прочь? Так давай, прекословить не буду.

Бугаинушко радостно поклонился.

– А вот вы, парни, здесь остаетесь, – атаман перевел взгляд на Яшку Вервеня с Ухтымкой. – Жен своих молодых берегите да помните – это пока тут, в остроге, тихо, вскорости же может быть и лихо! Кондрат, Василий – вот вам два десятника!

Михейко Ослоп между тем подошел к Егорову и что-то шепнул, указывая рукой на скромненько сидевшего Короедова.

– Припас пороховой зело ведает? – удивленно переспросил Иван. – Стреляет добре? И когда ж научиться успел? Хорошо. Семка!

– Я, атамане! – дернулся отрок.

– Тоже с нами пойдешь! За припасом оружным, за пушками да пищалями следить будешь.

– Благодарствую, господине… И вы, казаки, благодарствуйте.

Пряча глаза, Семка не знал – огорчатся ему или радоваться. С одной стороны, здесь, в остроге, явно было б спокойнее, но с другой – в дальнем (с самим атаманом!) походе можно было добыть не только почет, уважение и славу, но и добычу изрядную – увесистый кусок золота да прелестных молодых дев! А то все прежние лихие набеги как-то миновали Короедова стороной – по натуре трусоватый, парень на рожон не лез, не высовывался и всегда оставался в остроге. Ни тебе добычи, ни честно заработанных девок! Но сейчас вот… Прямо не знаешь, что и думать. Да что уж теперь, когда сам атаман… когда круг… Теперь уж – как Бог даст! Авось пронесет, спасет от лютой смерти, как раньше спасал.

Набрав на кругу отряд, атаман дал каждому задание – готовиться к походу: посмотреть струг, подсмолить, подлатать, если надобно, набрать припасу оружного, поставить дополнительно пушек, луки да самострелы не забыть присмотреть, вдруг да дожди зарядят? В сырую погоду фитиль плохо горит, пищальки могут и не выстрелить. С другой стороны, «хитрая» винтовальная пищалица атамана (называемая немцем аркебузой) в любую погоду могла палить, потому как колесцовым замком снабженная: колесико, пружина – искра, однако снаряд сей тонкий, грязи боится, фитилек в этом смысле куда как надежнее… вот только ежели дождь…

Пока отряд набрали, пока каждого – почти каждого – выслушали, покуда посовещались да путь наметили, не заметили, как за дальним, на том берегу, лесом забрезжили-заблажили рассветы, один – золотисто-алый – привычный, свой, другой же – сиренево-палевый – от колдовского разгоравшегося на новый день солнца.

Догорая, таял синими углями костер; негромко переговариваясь, казаки, зевая, расходились почивать – кто здесь, в остроге, а кое-кто – и «на посаде», в недавно поставленных избах да чумах – с черноглазыми прелестницами под боком.

Краем глаза заметив неслышно подошедшего остяка, Иван кивнул Михейке Ослопу:

– Пошли, друже, подмогнешь кой в чем. А ты, Маюни, жди. Мы сейчас. Получишь свою долю, не сомневайся!

Спустившись в ледник, занимавший весь внутренний двор острога, атаман быстро прошел меж большими плетеными корзинами с запасами мороженой рыбы и мяса, обогнул бочонки с холодной брагой (пару таких распили сегодня на кругу) и, остановившись перед ворохом недавно выделанных тюленьих шкур, обернулся:

– Ну-ко, посвети, Михей.

Бугаинушко поднял повыше смолистый факел.

Иван наклонился, резко откинув шкуры – под ними, в яме, тускло блеснуло золото. Колдовские побрякушки, украшения, позолоченные черепа, уродливые идолы из разных селений… Это еще кроме тех, что были прикопаны в землю.

– Да-а… – не выдержав, прошептал Михей. – Однако!

– Запасец изрядный, – присев на корточки, Егоров зацепил пальцами ворох цепочек и ожерелий. – Сколько ж у остяка нашего доля? Так и забыли определить. Ну, мыслю – этого хватит. И вот еще… Что скажешь, Михей?

– Маюни – проводник справный, – опустив факел пониже, тихо промолвил Ослоп. – И добра нам немало принес. Одначе не токмо о нем одном речь сейчас. Устинья-то, чай, настрадалась…

– Ах, да, – дернулся Иван. – Устинья. Хоть и не положено бабам… а все ж нехорошо обижать. Гм… А вот!!!

Немного подумав, атаман бросил обратно в яму груду браслетов и, наклонившись, вытащил небольшого идола – кривоного, с большим животом и сплющенным ударами отца Амвросия достоинством, размером с локоть и весом примерно с четверть пуда.

– Полагаю, этого хватит.

– Да уж, – Михей хохотнул. – И я так мыслю – остяк не обидится. Да не жаль!

– Не жаль – это уж точно.

В желтовато-оранжевом свете факела тускло блестело уродливое лицо божка с узкими, вытянутыми к вискам глазами и тонкими, искривленными в недоброй ухмылке губами.

– Вот ведь чучело, – сунув идола под мышку, усмехнулся Егоров. – Смотрит!

– Будто что злое задумал, – бугаинушка покосился на божка и поежился. – Я б его в церковь сначала отнес…

– Ничего, – поднимаясь наверх, неожиданно рассмеялся Егоров. – У Маюни бубен есть – не хуже молитв в таких делах помогает.

Оба солнца – и желтое, обычное, и разгоравшееся колдовское – светили сидевшему на веслах остяку в левый глаз, бирюзовые волны несильно били челноку в борт, в море же отражалось синее, чуть тронутое белыми бегущими облаками небо. Как-то уж слишком быстро бежали облака, и Маюни все чаще с тревогой посматривал в небо.

– Не налетел бы ветер, не принес бы волну. Иначе на берегу ждать придется, да.

– Не придется, – сидевшая на носу Устинья, одернув кухлянку, прикрыла глаза…

Остяку вдруг показалось, что супруга его с кем-то разговаривает. Он догадывался – с кем, и потому не мешал, даже не трогал висевший на поясе бубен, да и некогда было – работал, греб.

Ветер вдруг резко ослаб, а потом задул снова, но уже не так сильно, не тревожно, а, скорее, приятно – холодил нагревшуюся от солнца спину.

Маюни не говорил ни слова, не мешая жене общаться с духами, Устинья же, успокоив ветер, погрузилась в свои – не очень-то веселые, но и не особо грустные – мысли. Татарская пленница, дочь разоренного и опозоренного Строгановыми боярина из сгинувшего в лихую годину опричнины рода, Ус-нэ хорошо понимала, что особого спокойствия там, куда они плывут, не будет. Печора-река, конечно, не строгановская вотчина, но все же – близко, слишком близко. Да и кто знает, может, Строгановы уже наложили на Пустозерский острог свои жадные руки, и тогда… Правда, кто сможет узнать в супруге лесного охотника испуганную боярскую девочку? Лет-то сколько прошло. А, впрочем, не так уж и много. Это в колдовской земле казалось – с десяток годков пролетело, не меньше, а на самом-то деле – всего-то три года! Три! На Пустозерье-то еще и знакомые могут встретиться – по той, прежней, жизни, знакомые – приказчики, купцы, мореходы. Узнает кто, донесет?! Будет уже спокойствие… Строгановы памятливы и мстительны, как все богатеи – мелочны и жестокосердны.

Нет, на Печоре-реке лишь пересидеть, в лесах заимку сладить, а потом… потом – в Архангельский городок поселиться, у воеводы тамошнего разрешения испросить, поставить избу. Золота, слава богу, – с избытком. Выходит, не зря все, не зря… Однако – честно сама себе признавалась Устинья – злато это что-то вовсе ее не радовало, точнее, не так радовало, как вроде должно было б. Будто украли они это золото, приобрели не по праву. Да и сам идол – надменный, страшный – словно бы насмехался: мол, подождите, поглядим еще, как все сложится – так, как надобно вам… или – мне!

Ус-нэ чувствовала исходящую от божка опасность, но старательно гнала свой страх – дурацкий, притянутый за уши. Ну, подумаешь, идол! Просто – золота кусок.

К тому же, если что – помогут Белый олень и важенка. Те самые, что приходили всегда, с тех пор, как Ус-нэ побывала в сверкающем мире смерти, там бы и осталась навсегда, кабы не Маюни. Маюни… муж. Пожалуй, это куда лучше, нежели какое-то там золото. Любит! Уж с таким-то супругом с голоду не пропадешь, другое дело, сможет ли он жить в городе, среди множества людей? А сможет! Никуда не денется. Будет себе по лесам шляться, охотиться, а на ночь – домой! В родню избу… да что там в избу, на столько злата можно и настоящие хоромы справить! Двор постоялый открыть или какое купеческое дело завести. Там поглядим, посмотрим, сообразим. Деньги деньгами, но всякому малому человеку следует к какому-то большому прибиться – так и безопаснее и сытнее, одного-то всякий обидеть может. А кто в Архангельском городке главный? Воевода. Ему и челом бити, ему и подарок – божка этого разменять на гульдены да дукаты, на серебришко мелкое. Челом бить, а там…

Девушка неожиданно озорно улыбнулась да, скинув кухлянку, зачерпнула горстью воды, брызнула на супруга. Тот обернулся:

– Ой! Ты что разделась-то?

– А жарко! И ты, милый, кухлянку сними. Постой, помогу лучше.

Подбежала – голая по пояс, – сдернула с мужа оленью рубаху, погладила по плечам.

– Ах, моя милая!

Юный остяк бросил весла, повернулся к жене, обнял за бедра, целуя в пупок. Потом потрогал руками тяжело вздымавшуюся девичью грудь, застонал, закусил губы, стаскивая с верной супруги узкие оленьи штаны, бросил на дно челнока шкуру…

Теплые лучи солнца золотили белое тело Ус-нэ, ее стройные бедра, высокую грудь с темно-розовыми твердеющими сосками, кои Маюни тут же принялся покрывать поцелуями, чувствуя, как ударила в голову кровь. Устинья прикрыла глаза, с трепетом отзываясь на ласки и ощущая жгущий внизу живота жар. Раздвинув колени, она притянула мужа к себе, выгнулась и тяжело задышала, устремляясь душой в чистое и высокое небо.

Лишь колыхался челнок. То ли от волн, то ли… Нет, скорее, от волн – похоже, вновь поднялся ветер, развернувший суденышко поперек.

– Сейчас, милая…

Приподнявшись, Маюни схватил весло и вдруг замер. Позади челнока, в полете стрелы, высилось неизвестно откуда взявшееся судно, огромный, куда больше струга, корабль с узорчатой, словно боярские хоромы, кормой и белыми, в два ряда, парусами на трех высоченных мачтах!

– О, великий Нум-торум! – потянувшись к бубну, с удивлением прошептал остяк. – Это еще что за чудо?

Глава II. Весна 1585 г. П-ов Ямал

Весельев Хойнеярге

Дом главного колдуна славного города Хойнеярга старого Еркатко Докромака располагался невдалеке от храма мужского бога и представлял собой не какую-нибудь там хижину, а вполне просторное жилище, крытое тонко выделанной шкурой нуера. Зубастый череп хищника был укреплен над входными воротами, выполняя функцию оберега, дюжина имевшихся в доме покоев-комнат выходила в большую овальную залу с шестью колоннами из мощных стволов лиственницы, привезенной из далеких южных земель. Свет в залу попадал через круглое отверстие в крыше, в случае дождя закрывавшееся прозрачной паволокой из крыльев стрекоз, впрочем, с дождем Еркатко умел неплохо справляться – как-никак колдун, и все его за то уважали. Пусть даже в Хойнеярге только, так ведь и город-то не маленький, огромный – целых пять тысяч душ, этакое-то многолюдство!

Покровителем города считался веселый бог Хоронко-ерв, в честь которого частенько устраивались праздники-карнавалы – с пьяным весельем, песнями, танцами, веселыми девками, уж никак не обходилось без них. Праздники привлекали в Хойнеярг множество гостей не только из близлежащих селений, но и из самой столицы. Правда, некоторым столичным гостям Еркатко Докромак

был все же не очень-то рад. Вот как сейчас…

Вытянув ноги, старый колдун в задумчивости возлежал на ложе, две юные наложницы в набедренных повязках и в ожерельях из перьев чесали ему пятки специальными заговоренными палочками из самшита, что, по мнению колдуна, было совершенно необходимо для сохранения телесного здоровья и поддержания твердости духа. Полуголые рабыни исполняли свое дело старательно, посматривая на своего господина с плохо скрытым страхом – Еркатко Докромак слыл человеком веселым, только вот веселье его было несколько определенного склада.

– Сильнее, сильнее чеши! – отвлекшись вдруг от своих мыслей, колдун с неудовольствием посмотрел на ту невольницу, что сидела слева.

Девушка вздрогнула, нажав на палочку с такой силой, что та не выдержала и с треском сломалась.

– Ну вот, – погладив лысую голову, огорченно промолвил старик. – Всегда так! Экие нерадивые мне достались помощницы. Подь сюда, дура!

Девушка поднялась с колен, встала – худенькая, даже можно сказать, тощая, с недавно оформившейся пухленькой грудью.

Колдун больше с нею не разговаривал, усмехнулся, пробормотав заклинание, подчинившее несчастную девушку своей злобной воле. Повинуясь приказу колдуна, юная рабыня дернулась и, сорвав с себя набедренную повязку, склонилась, упершись руками в колонну. Старец поднялся с ложа, похотливо погладив невольницу по спине, потом вдруг отошел, уселся, глянул на вторую девчонку, ударил колдовским словом. Та – тоже худенькая, только ростом чуть выше первой и с не такой крепкой грудью – послушно побежала за колонны, сняла висевшую на стене плеть и, подойдя к незадачливой своей подружке, с размаху ударила. Раздался сдавленный крик, наложница стегнула еще раз, и еще…

– Да кто так бьет? – вскочив с ложа, издевательски воскликнул колдун. – Дай сюда плеть! Смотри… вот как надо!

Он ударил с оттяжкой, умело и с удовольствием, так, что едва ль не фонтаном брызнула кровь. И тут же ласково погладил несчастную по плечу, протягивая ей плетку:

– А теперь ты попробуй… Вспомни, как она только что тебя била, и не стесняйся. Ну!

Теперь наложницы поменялись. Девушка с окровавленной спиной хлестала свою плачущую напарницу с такой силой, что Еркатко довольно потирал руки и хохотал, а потом, развалившись на ложе, вытянул руки:

– Ну, идите теперь ко мне обе! Да смотрите, будьте нежны и ласковы, а ежели выйдет как в прошлый раз, то я вас…

Рабыни быстро стащили с колдуна одежду, обнажив старческую кожу, желтую и сморщенную, как брюхо беременной самки волчатника. Старый похотливец довольно засмеялся, показав такие же желтые, как и кожа, зубы, вытянутое, как морда волчатника, лицо его засияло блаженством и похотью, колдун тяжело засопел, схватил одну из наложниц за волосы, и вдруг…

– К тебе славный вождь Та-Ертембе, мой господин. Говорит – по важному и неотложному делу.

– Пусть подождет! – рыкнул старик. – Хотя… Ладно.

Еркатко махнул рукой – все равно любовные игрища были уже безнадежно испорчены. Ладно, в следующий раз, быть может – вечером, ночью… Тем более хитрый старец хорошо представлял себе, зачем именно явился военный вождь. Верно, все по тому же делу, что с недавних пор тревожило и самого колдуна.

– Скажи вождю – я рад его видеть! – милостиво кивнув слуге, Еркатко Докромак накинул на узкие плечи накидку и цыкнул на дев. – Прочь пошли, пиявки! Ежели и вечером такими вялыми будете – скормлю вас священному дракону. Как раз ему подойдете, нуерихи тощие, дракон-то наш косточки погрызть любит.

Рабыни испуганно переглянулись и тут же убежали прочь, едва не столкнувшись с вошедшим в залу вождем – высоким мосластым мужчиной лет сорока с

круглым и плоским, как блин, лицом, испещренным многочисленными шрамами и татуировками. Такие же рисунки, изображавшие славные победы и толпы униженных пленников, покрывали и руки, и грудь вождя, виднелись из-под короткой нерпичьей куртки, бог ато расшитой речным жемчугом и причудливыми раковинами с далекого побережья. Волосы на голове сего славного воина дыбились причудливыми рогами могучего трехрога, к поясу была прицеплена нефритовая палица с изящной, отделанной золотом рукоятью.

– Рад видеть тебя, славный Та-Ертембе!

К приходу высокого гостя Еркатко Докромак переместился с ложа в высокое кресло, подле которого стояло еще одно такое же, правда, чуть ниже.

– Садись, садись славный воин, угощайся, ешь, пей, что душа пожелает.

– Хороший у тебя столик, уважаемый Еркатко, – усаживаясь, Та-Ертембе скосил глаза на четырех обнаженных дев, стоявших на коленях, упираясь руками в пол, так, что их напряженные спины являли собой столешницы с яствами в золотых блюдах.

– Они что же, вообще не шевелятся? – удивился вождь.

– Не шевелятся. И не говорят. Я велел вырвать им языки, – спокойно пояснил колдун. – Так что мы с тобой можем спокойно обсуждать все дела. Ты ведь, славный Та-Ертембе, пришел поговорить со мной о визите столичного гостя?

Вождь покивал головой:

– Тебя не обманешь, почтеннейший Еркатко! Именно за этим я и пришел – решить, что нам всем делать. Зачем явится гость? Кто он, откуда?

– Посланец Великого Седэя, надо полагать, – старик скромно прищурил глаза. – Зовут его Хасх-Веря, колдун третьей степени посвящения.

– Третьей степени? – презрительно скривился гость. – Всего-то!

Еркатко нахмурился:

– Не забывай – это столичная степень! Хасх-Веря силен и умен, в Седэе ему доверяют.

– Иного б и не отправили.

– Это верно, верно. Так! – Старый колдун понизил голос до свистящего шепота, похожего на шипенье ядовитой змеи. – Он послан посмотреть, приглядеться, а потом – доложить. А доложить, скажу тебе, славный Та-Ертембе, можно всяко.

– Так, может быть, мы устроим ему…

– Достойный прием – это само собой, – согласно покивал Еркатко. – Пышный, но вместе с тем – скромный. Пусть знает – мы здесь не просто сами по себе живем, но еще и стараемся править, как надо всем. Все для блага славных богов и наших жителей! Вот главная наша забота. А что жители?

– Жалуются, мой уважаемый друг, – вождь шумно вздохнул. – Фонтан, что у храма Хоронко-ерва, говорят, так и не сделали, так мертвым и стоит. А зачем им фонтан? Воду-то все берут из озера.

– Фонтан – для красоты и славы богов, – подняв костлявый палец, наставительно заметил старец. – Можно, конечно, заставить воду и так бить, без всякого ремонта – но, только на время, на время только. Тем более посланец сразу почувствует колдовство. И что скажет?

– Что?

– Что мы пускаем ему пыль в глаза, вот что! А нам это надо?

Гость почесал затылок:

– Так что же, лучше совсем не делать фонтан?

– Да нет же, мой славный друг, делать! – с неожиданным хохотом воскликнул колдун. – Вот прямо сейчас и делать, ты скажи ремесленникам – пусть делают основательно, не торопясь, чтоб приезжий гость видел – власти города – мы! –

стараются, не отвлекаясь даже на высоких визитеров.

– Умный ты человек, Еркатко! – Та-Ертембе хлопнул в ладоши и потянулся к высокому золотому кубку, что стоял как раз меж лопаток одной из столешниц-дев. – А еще можно велеть менквам посыпать дорожки к храмам и Дому девичества красивым белым песком.

– Не можно, а нужно, мой славный друг! Я скажу помощникам, они пригонят спинокрылов – возить песок. Только вот менквов лучше б не надо – больно уж они вонючие. Пусть песок рассыпают мускулистые юноши и красивые юные девушки, это будет радовать взор нашего высокого гостя!

– Да, но они могут не согласиться! – скривив губы, возразил вождь. – Скажут – что мы, рабы? Менквы?

– Согласятся, друг мой, – колдун успокаивающе махнул рукой. – Я-то на что?

– Ох, прости мой великий…

– Ладно, ладно, выпьем-ка лучше ягодного вина, это хорошее, малиновое.

– Так малина ж еще не созрела!

– У кого как, мой друг, у кого как.

Еркатко самодовольно прищурился, с удовлетворением ощущая пелену исходящей от гостя зависти. Все правильно, все так и должно быть – простые людишки (даже военные вожди) должны завидовать могуществу колдунов и знать свое место.

– Да что там говорить про наших жителей! – сделав долгий глоток, усмехнулся колдун. – Живут, ни в чем горя не зная. Жируют просто за наш, колдовской, счет! Безопасно: обереги по всем дорогам поставлены – никакой враг не пройдет, сытно – каждый день помощники мои зверье да птицу пригоняют на мясо – свежуй, вари, жарь! Никто не голодает, врагов нет…

– Ты забыл о белых варварах, святейший колдун, – хмуро напомнил гость. – Они сильны и опасны.

– Белые варвары? – Еркатко громко расхохотался. – А где они есть-то? Сидят на своем островке в промозглом море, не смеют и носа высунуть.

– Однако и войску Великого Седэя оказалось не под силу их выкурить.

– А зачем их выкуривать?! Зачем войско слать? – азартно возразил старец. – Лучше наслать болезни, мор, голод. Сами и убегут… кто жив останется.

– Болезни, мор? А ведь верно.

Та-Ертембе уважительно хмыкнул: при всех своих недостатках старый колдун изрекал иногда весьма умные мысли, хоть частенько и вел себя как полный дурень. Ну, последнее, верно – старческое.

– Эх, имел бы я вес в Великом Седэе, – продолжал бахвалиться колдун. – Давно бы белых варваров выгнал. Давно б!

– Так, может быть…

– Не может! Слушать меня там никто не станет. Не потому, что задумка моя плоха, плох я сам – тем уже, что не родился и не живу в столице.

Та-Ертембе снова крякнул: опять его почтеннейший собеседник высказал мудрую мысль! Да-а, не такой уж он дурак, каким иногда кажется. Сам-то вождь, кстати, насчет столицы точно так же думал.

– Думаешь, славный мой друг, я не знаю, почему посланец едет именно к нам? – брызжа слюною, распаленно продолжал старик. – Не знаю, кто донес? Не только на меня – и на тебя… на всех нас.

– Доносчик?!

– Доносчица! – Еркатко Докромак одним махом опрокинул кубок с вином. – Есть тут у нас одна обиженная, думаю, ты уже догадался, о ком я.

– Неужели… – вождь похлопал глазами. – Осмелюсь предположить, неужели это – старая Эрве-пухуця?!

– Именно так, друг мой! Эта ведьма совсем спятила на старости лет, Дома девичества ей уже мало, власть подавай!

– От баб все зло, – кивнув, убежденно промолвил гость. – Особенно от старых баб, никому уже не нужных. Вот и злятся – власть им подавай. А баба во власти, как нуер среди речных рыб – всем плохо. Так что, старуха Эрве всерьез захотела властвовать? Меня и тебя собой подменить? Ничего у нее не выйдет! Хоть тысячу раз донесет.

– С властью-то – да, не получится, – старец согласно кивнул. – Не было еще никогда такого позора – бабу во власть ввести. Но вредить-то она – вредит! Гадит!

– Так ее бы…

– Не время! – с шумом выдохнул Еркатко. – Кто знает, какие у нее покровители в Седэе? Боюсь, вполне могущественные, вот так-то, мой славный друг.

– Так что же нам делать? – растерянно спросил гость.

– А ничего! – дернув головой, колдун хрипловато рассмеялся. – Просто ждать. Приедет посланец – встретим, покажем все, что хочет видеть, все по-честному покажем, безо всякого колдовства – заклинанье он враз почует. Пусть видит – мы с тобой приличные люди, все о жителях, не о себе печемся, трудимся во благо их и на славу Великого Седэя не покладая рук. Никаких безобразий не устраиваем! А то доносят тут некоторые…

– А что доносят? – заинтересовался вождь.

Колдун отмахнулся:

– Да так. Врут всякое. Так я к чему – подождем, когда посланец уедет, а потом, чуть погодя, и займемся старой Эрве-пухуця. Чую, надо ее из Дома девичества выживать, не к добру такая наставница.

– Колдунья Эрве-пухуця в Доме девичества главная, – задумчиво повторил гость и, скосив глаза на столешниц-дев, негромко спросил: – А?

– Завтра же велю скормить их священному дракону, – хмыкнув, заявил старик. – Нет! Сегодня же. Нет, нет – здесь мы можем говорить совершенно спокойно, мой друг.

Та-Ертембе не отрывал взгляд от «столешниц».

– А если посланец спросит – откуда у тебя эти рабыни? Это же не менквы, наши.

– Клятвопреступницы, воровки и лица, ругающие власть и поносящие богов! – усмехнулся Еркатко. – Из милости я их у себя пригрел, из человеколюбия. По уму – так давно надо отдать всех дракону.

– Вот-вот, – неожиданно поддакнул вождь. – Посланник тебе именно это и скажет.

– Думаешь?

– Уверен, мой друг! Избавился б ты от всех своих наложниц… хотя бы на время.

– Избавлюсь, – хмуро махнув рукой, Еркатко Док ромак вдруг просиял улыбкой. – Скажи-ка мне, любезнейший вождь, давно ль ты пробовал брагу, что варит из волчьих ягод распорядитель гостевого дома некий Гардатко Истой? Вот уж, скажу тебе, пойло!

– Слыхал про Гардатко Истоя и бражку его, – уклончиво ответствовал гость. – Правда, пробовать еще не доводилось.

Вот тут вождь соврал – и старый колдун это сразу почувствовал, – пил, стервец, а как же! Только никак не хотел признаваться – бражка Гардатко Истоя считалась напитком предосудительным, слишком уж крепким – для простонародья разве что.

– Ничего, сейчас ее принесут, люди к Гардатко уже посланы. – Еркатко подмигнул гостю. – Надо хоть чем-то себя нынче порадовать.

– А не…

– Не! Мы ж немножко.

– Немножко – это можно, – охотно согласился воин. – А столик твой я б на твоем месте обязательно дракону скормил, уважаемый.

– Скормлю, друг мой! Сказал же – скормлю.

Чуть колыхнулась теплая пелена воздуха. Неслышно выскользнула из-за колонн фигура в бесформенной – до самых пят – хламиде, поклонилась, шепнула что-то.

– Доставили уже? – оживился колдун. – Вовремя.

Ну, так чего ж ты ждешь? Неси!

Неслышный слуга тотчас же удалился и сразу вошел обратно, неся на золотом подносе изрядных размеров кувшин с запотевшими боками.

– Холодненькая, – облизнулся вождь. – Эх!

Член Великого Седэя, колдун третьей степени посвящения великомудрейший и целомудреннейший Хасх-Веря, был не особо доволен полученным нынче заданием. Проверить каких-то там местечковых властителей, колдуна и военного вождя из провинциального, забытого всеми богами городишка – невелика честь! Да не просто проверить, а по доносу некой Эрве-пухуця, старой знакомой одного из влиятельных членов Седэя, от чьего слова зависло многое, слишком многое, чтобы Хасх-Веря отнесся к поручению спустя рукава. Нет, проверить надо было как следует. Не то чтоб носом землю рыть в поисках различного рода злоупотребления, но и не закрывать глаза, во всем разобраться, обо всем доложить Седэю толково и обстоятельно, подтвердив тем самым свою услужливость и компетентность. Выполнить поручение добросовестно, пусть оно и несколько не по чину, а уж там вполне можно было

рассчитывать и на ответную благодарность… может быть. А может, и нет – в Седэе нынче такие тварюги собрались – только держись. Нуеры бесхвостые! Отрыжки драконьи! Гнилозубы!

Сдержав ругательный порыв, колдун придержал летучего ящера, на шее которого и расположился без особых удобств, не считая седла да богато украшенной сбруи. Позади и рядом летели еще шестеро таких же небесных всадников, безмолвно сопровождавших посланца Великого Седэя. Всего шестеро. Больше для почета – пусть, сказать по правде, и недостаточного, – нежели в целях безопасности. Кто осмелится поднять руку на колдуна? Хотя, если брать тех же белокожих варваров, то… Нет, те пока сидели у себя на острове тише воды, ниже травы… правда, с севера, из городов безголовых тотемников, дошли тревожные слухи о появившихся там белых разбойниках… во всем слушающихся некую колдовскую деву, прекрасно знакомую Хасх-Веря. Митаюки-нэ – ну кто еще там мог быть-то? Хасх-Веря чувствовал ее чары. Раз Митаюки держит варваров под контролем, значит, все не так плохо, несмотря на многочисленные жалобы старост разоренных селений. Да и нуер с ними, со старостами, какая Великому Седэю разница, кто будет управлять тамошними городками? Правда, Митаюки – женщина, а женщины не должны править. Разве что в виде исключения, с высшего соизволения Великого Седэя. Но пусть пока пребудут с ней боги, с Митаюки, север – далеко, и тамошние жители – сплошь необразованная и тупая деревенщина, поклоняющаяся скотам – утонченным столичным колдунам малоинтересны. Куда меньше, чем тот же Хойнеярг, чтоб ему провалиться! Ах, проклятые деревни! Когда же, когда сыщется хоть одно настоящее дело! Не война, нет, упаси боги. Какое-нибудь не очень опасное, но важное поручение в достаточно крупном городе, где можно сделать имя. Можно ли сделать имя в Хойнеярге? Весьма сомнительно, хм. Хотя при определенных обстоятельствах, наверное…

– Прилетели, господин, – мысленно доложил один из сопровождающих. – Вот город, а вот – гостевой двор. Туда и сядем?

– Нет.

Хасх-Веря, наклонив голову в неизменном черепе-маске, с вялым любопытством рассматривал раскинувшийся на большом острове, окруженный синими волнами озера город, с красивым, крытым позолоченной крышей храмом местного веселого бога Хоронко-ерва. Другой храм, с мертвой головою дракона, был все же главный, символизирующий мощь и величие хмурого мужского бога, коего в

каждом селении именовали по-разному, а истинное же его имя не дозволялось знать никому, кроме особо посвященных жрецов – членов Великого Седэя. Бог плодородия и войны, бог мужской силы и смерти! Золотой идол был надежно укрыт внутри вытянутого в длину храма, мертвой драконьей головой выходящего воротами на главную городскую площадь, а хвостом тянувшегося к дому молодых воинов.

– А где проживает славный Еркатко Докромак, местный колдун? – осматриваясь, уточнил на лету посланник.

– Вот его дом, с блестящей крышей, – сопровождающий почтительно указал рукою.

– Что это – золото? – изумился колдун.

– Нет. Хорошо выделанная кожа нуера.

– Да-а… А дом-то немаленький, – про себя хмыкнул посланец. – Этот Еркатко Докромак, я вижу, от скромности не умрет. Туда и садимся! Вон, прямо во двор.

– Но господин…

– Я сказал – вы исполнили.

– Слушаюсь, великий господин!

Бросив ящера вниз, сопровождающий спикировал во двор первым, за ним приземлились еще двое, остальные же продолжали кружить в небе – для почета и так, на всякий случай.

Мысли местной охраны и слуг многомудрый Хасх-Веря заблокировал, еще находясь в воздухе – чтоб не рыпнулись, раньше времени не доложили. В результате и охранявшие дом воины, и слуги застыли недвижными идолами – даже глазами не хлопали от удивления, лишь тупо смотрели вперед да столь же тупо отвечали на задаваемые посланцем вопросы.

– Хозяин? Чей хозяин – наш? А-а-а… Он там, дома, в зале. Не, не один, с гостем. Почтеннейший военачальник славный господин Та-Ертембе изволил еще с утра припожаловать.

– Ага, военный вождь, значит, в гостях? – Хасх-Веря прислушался к доносящимся из дому воплям. – То-то я и смотрю, вернее сказать – слышу. Что ж, пойду, погляжу. Вы будьте здесь! – обернувшись, приказал он сопровождающим. – В дом никого не пускать, и самим не входить без моего зова.

Как обычно, ссутулившись, посланник Великого Седэя спокойно вошел в дом, привычно отключив заклинанием обереги – справился с ними шутя, чай, не столица! Вошел, пошел на вопли и, заглянув залу, в изумлении хлопнул глазами!

Много чего на своем веку повидавший, почтеннейший Хасх-Веря, конечно, предполагал, что местные владетельные господа у себя дома могут развлекаться, как их душенька пожелает, но чтоб тако-ое! Да еще зная о скором прибытии высокого гостя!

Было чему удивляться, было и на что посмотреть. Самые уважаемые люди города – великий колдун и военный вождь, голые, в чем мать родила, сидели верхом на таких же голых девках, ползавших по полу на карачках, и, подгоняя «дракониц» пятками, с веселыми воплями мутузили друг друга молодыми побегами папоротника, верно, приготовлены поваром для супа. При этом подбадривали себя самыми гнусными словесами и откровенно святотатствовали, поминая всуе многих достойных богов.

– А вот, клянусь задницей Хоронко-ерва – поистине добрый удар, не так?

– Добрый? Х-хо! Да как бы не так, уважаемый друг мой! Разве это копья у нас? Настоящее копье должно быть крепким, как детородный орган великого мужского бога, а это… Это не знаю – и что?

– Да-да, копья-то наши квелые… как мысли Великого Седэя!

– А вот я сейчас тебя, друг мой! Ого-го! Вперед, вперед, вперед! Поскакали, у-у-у!!!

– Подгони-ка свою драконицу, мой славный соперник!

– Сейчас… погоню. Пощекочу ей палкою между ног!

– Хо-хо-хо!

– Ха-ха-ха!

– Хэк!

Хасх-Веря громко хлопнул в ладоши, сотворив весьма сильное заклинание на покой. Непростой был наговор, но весьма действенный, быстрый, правда, для его действенности нужен был амулет из кожи волчатника, настоянный на крови двенадцати девственниц. Такой амулет, многократно усиливающий любое заклятье, у посланника Великого Седэя был волею пославших. И сила его оказалась на высоте: не успел еще нежданный гость решить – напустить на себя непреклонную суровость или, наоборот, посмеяться, – как оба бесшабашных «всадника» замертво свалились на пол. Так же полегли «драконицы».

– А хорошо в сем краю диком живут! – поглядев на сопящих дев, ухмыльнулся посланник. – Весело! Ни в чем себе не отказывают. Вино вон пьют… брагу.

По-хозяйски усевшись в кресло, посланник Великого Седэя потянулся было к кувшину… понюхал… и, тотчас же отдернув руку, вытащил из-за пазухи оберег. Обычный – даже у самого захудалого сельского колдуна при себе – лист болиголова, заговоренный на чужую порчу и сглаз. Листок на глазах увял, едва поднесенный к кувшину.

– М-да-а, друзья мои, – Хасх-Веря задумчиво покачал головою. – А брага-то ваша – порченая!

Оба пришли в себя лишь ближе к ночи – и старый колдун Еркатко Докромак, и его гость, славный военный вождь Та-Ертембе.

– Ну, здравствуйте! – издевательски бросил им посланник. – Как спалось?

– Ой! – Еркатко обхватил руками свой голый череп и что-то пробормотал, как видно – заклинание от головной боли.

Махнул рукой и сторону вождя – тому тоже требовалась срочная помощь. А уж после этого оба – и хозяин, и гость – удивленно воззрились на посланца:

– А ты… а вы…

– Я – Хасх-Веря, посланник Великого Седэя, – скромно представился колдун.

– А-а-а!

– Да-да, это именно меня вы и ждали. Весьма, кстати, своеобразно, хотя и довольно весело, надо сказать. Представляю, как будут хохотать члены Великого Седэя!

Посланец произнес эти слова вроде бы как шутя, однако темные, глубоко запавшие глаза его оставались холодными, злыми.

– Так это все брага, – попытался оправдаться старик Еркатко. – Ну, Гардатко Истой, ну, я тебя…

– Гардатко Истой, я так понимаю, распорядитель здешнего гостевого дома, – холодно уточнил Хасх-Веря.

– Да, так. А еще он…

– Прислал вам эту брагу, – посланник нахмурился. – Только не говорите мне, что это он ее заговорил!

Хозяин дома удивленно моргнул:

– А что? Брага была заговорена? Но как же…

– Вот и я гадаю – как это вы этого не почувствовали? – качнув головою, усмехнулся высокий гость.

– Но мои обереги! – Еркатко Докромак встрепенулся, вскочил, убежал за колонны. – Что за дела? И этот оберег целый… И здесь. Ни один не завял! Какая порча?

– Очень умело напущенная. Кем-то умным, вашим, кстати, врагом.

– Эрве-пухуця?

– Нет, вряд ли это старуха. Впрочем, рад, что вы ее открыто признали врагом. Догадались…

– Погодите-ка, уважаемый Хасх-Веря… – Старый колдун вновь убежал за колонны и вернулся уже с оберегом – обыкновенным кленовым листом, заговоренным на порчу.

Помяв лист в ладони, Еркатко Докромак прижал его к кувшину. Лист оставался такой же, какой и был – свежий, зеленый.

– Хм, – озадаченно покачал головою старик. – Какой же тут наговор?

– А вот посмотрите-ка!

Высокий гость вытащил свой болиголов-оберег, уже воспрянувший было… но тут же снова увядший, едва только колдун провел им над кувшином с брагой Гардатко Истоя.

– О, великие боги! – воскликнул Еркатко. – Клянусь семью дочерьми Сиив-Нга-Ниса, здесь какое-то сильное колдовство!

Хасх-Веря покровительственно улыбнулся:

– Не только сильное, но еще и очень тонкое, незаметное для твоих оберегов. А ты ведь не последний колдун, уважаемый!

– Да уж, – приосанился старик. – Не из последних. Однако оберег… да-а-а… Вот так Гардатко!

– Думаю, хозяин гостевого дома тут ни при чем, – посланец почмокал губами. – Он что – колдун?

– Нет, но старуха Эрве-пухуця…

– Не могла! – рассерженно прикрикнул Хасх-Веря. – Разве ты, уважаемый, не чувствуешь, что это мужское колдовство? Сильное, тонкое, хитрое! Не-ет, ведьмы на такое не способны. Ищи недруга среди мужчин… И это должен быть молодой колдун, наглый и сильный! Который за что-то тебя невзлюбил.

– Да нет у меня врагов среди колдунов, – подумав, неуверенно промолвил Еркатко. – Завистники – да, есть, но чтоб враги… Тем более наделенные такой силой.

– Значит, надо искать этого колдуна, коль ты его не помнишь, – посланник Великого Седэя саркастически хмыкнул.

Сейчас его занимало не столько глупое положение, в котором очутился здешний великий колдун, а то – кто в том был виноват, кто приложил руку. По всему выходило – этот неизвестный обладает недюжинными способностями, коих, правду сказать, и сам-то Хасх-Веря вряд ли б заметил, и его обереги остались бы бессильными, коли б не амулет Великого Седэя. Заговоренная кровь двенадцати девственниц, умерщвленных зубами дракона, обладала великой силой. Если б не она…

Посланник чувствовал – этого неизвестного колдуна надо обнаружить, отыскать во что бы то ни стало – ибо пока по каким-то причинам тот имел намерение таиться, а потом… Кто знает, что у него на уме? У колдуна, обладающего столь дивной силой! Найти, привлечь на свою сторону… либо уничтожить всей мощью Седэя!

– Говоришь, брагу доставили со двора Гардатко Истоя? – еще раз уточнил Хасх-Веря. – Ты, уважаемый, всегда у него берешь?

– Ну, допустим, не всегда. – Старик нахмурился, но тут же изобразил на желтом лице улыбку. – Но довольно часто.

– И об этом многие знают?

– Ну… не думаю…

– Знают! – хлестко бросил гость. – Значит, там, у Гардатко, и надо искать. Тихо! Сидеть! Сам пойду… ты же, уважаемый, и ты, славный вождь – вы оба будете оказывать мне всю необходимую помощь.

– Да мы… Да ты только скажи!!!

Оба высших правителя города разом пали на колени, вверяя свою судьбу в руки высокого гостя. Такая покорность посланцу понравилась, причем Хасх-Веря четко чувствовал всю ее искренность. Эти люди клялись в верности на полном серьезе, без дураков, да еще как клялись! Именем мужского бога и именем повелителя смерти Темуэде-ни, семью дочерьми могучего Сиив-Нга-Ниса и Хозяином Священной березы, что всякий раз спасает мир от неминуемой гибели.

– Потом поговорю с вами, – устало зевнув, махнул рукой Хасх-Веря. – Приготовь мне покои, кислое питье и постель, уважаемый Еркатко Докромак.

– А…

– А все остальное будем делать завтра. Так что до завтра, мои верные друзья.

Посланец Великого Седэя мог быть доволен – порученное ему дело исполнилось сразу, можно сказать, едва только вошел. Теперь можно было смело давать отчет о том, что неизвестный доброжелатель – старая Эрве-пухуця – прав, то есть права, моральный облик городских властей Хойнеярга оставляет желать много лучшего, и, по-хорошему бы, стоило их сменить и казнить другим в назидание, чтоб так уж сильно не наглели, великих богов и Седэй последними словами не честили б, не поносили. Будь на месте Хасх-Веря кто другой, он так бы и сделал, чем вызвал бы похвалу Великого Седэя… и все. Но вот Хасх-Веря все ж был умудрен не столько годами, сколько практическим опытом, ибо всю свою сознательную – на службе Седэю – жизнь провел не столько в столице, сколько – с различными поручениями – в таких вот дырах, как этот Хойнеярг… оказавшийся не такой уж и дырой. Город как город – пять тысяч душ, не столь

уж и мало. И его похотливые и склонные к легкому разврату властители нынче преданны Хасх-Веря и будут и дальше исполнять все, что он прикажет. Так зачем же таких людей губить? Пригодятся еще. Вот отыскать бы того колдуна… эх… Хорошо, хорошо, что перед дорогой представители Великого Седэя торжественно вручили посланцу амулет на крови девственниц. Если бы не он… Ладно, еще посмотрим, что там за колдун! Еще потягаемся! С этаким-то амулетом…

В то, что у Еркатко Докромака не было могущественных врагов, Хасх-Веря, конечно же, не поверил, а потому уже с утра пораньше заставил старика вспоминать всех более-менее подходящих личностей, каким-либо образом от него пострадавших за последние несколько лет.

– Ну-у… – Старый колдун задумался, почесал лысую голову. – Те, кто был, тех уж нету…

– А может, кто и есть? Кто-то такой остался, я ведь чувствую. – Хасх-Веря внимательно посмотрел прямо в глаза собеседнику и, подхлестнув мыслью, повысил голос. – Ну?

– Был один такой, – неохотно припомнил старик. – Енко Малныче его звали, молодой наглец, осмелившийся… За что и был приговорен к казни Великим Седэем, но, нуер бесхвостый, бежал!

– Что-о?! – вот тут-то посланник по-настоящему изумился, хотя, честно сказать, чего-то такого и ждал. – Бежал? Наплевав на волю Седэя?! Действительно – наглец. И как это ему удалось, интересно? Он что, сильный колдун?

– Не сильный, но… Не без способностей, – скрепя сердце признал Еркатко Докромак. – Этот может снахальничать, да. Но… о нем давно ничего не было слышно, говорят – убили.

– Убили? – высокий гость усмехнулся. – Врут. Впрочем, проверим. Где там у вас заведение достойного Гардатко Истоя?

– Я отправлю туда людей!

– Нет!!! – Глаза посланника злобно сузились. – Не посылай. И сам не ходи! И вообще, прежде чем что-то предпринять, советуйся со мной.

– Так и сделаю, уважаемый господин Хасх-Веря! А гостевой дом тут недалеко, на берегу, напротив рощи, что ведет к Дому девичества.

– Напротив рощи, говоришь? Угу…

В зависимости от обстоятельств Хасх-Веря умел напускать на себя любой вид – мог прикинуться могучим воином, выходцем из знатного рода или простолюдином – крестьянином с серпом и даже безродным бродягою. Сейчас же колдун почти не прикидывался, сказался, как есть – чужим.

– Видишь ли, уважаемый, я прибыл сюда на праздник в честь вашего веселого бога…

– О, это ты поспешил, мой господин! – огорченно развел руками осанистый толстяк Гардатко Истой. – Праздник красок Хоронко-ерва у нас еще только через семь дней!

– А что такое семь дней? – рассмеялся посланник. – Это всего семь ночей. Которые, я надеюсь, пройдут весело, можно даже сказать – пролетят.

– Ты, уважаемый, имеешь в виду веселых и ласковых дев?

– Не только их, но еще и твою знаменитую брагу! Не в том ли амбаре ты ее хранишь?

– В том, – трактирщик горделиво проследил за взглядом гостя. – Там хорошо, прохладно. Ты проходи в дом, уважаемый. Сейчас я велю принести.

– Да будут все боги благословенны к тебе и твоему делу!

Вежливо поблагодарив хозяина, посланник прошел внутрь, в харчевню, где, исходя золотистым жиром, уже жарился на вертеле изрядный кусок нежного мяса молодого спинокрыла.

Нет, Хасх-Веря вовсе не подозревал хозяина – ведь тот не был колдуном, а зайти в гостевой дом мог любой. Вот колдун и вошел… Только вот его появления посланник что-то не ощущал, хотя и должен был – даже амулет девственниц не помогал! Неужто и правда этот неизвестный колдун обладает столь могучей силой? Нет, не может быть – силою колдуны все примерно равны, иначе б не было никакого Великого Седэя, а был бы кто-то один – главный!

– Желаешь кисель, господин, или, быть может, ягодного вина? – Гардатко Истой прямо-таки излучал любезность. – Могу провести прямо в покои, или присядешь здесь?

– Тут посижу, отдохну, – улыбнулся гость. – И от вина не откажусь, принеси-ка, любезный, кувшинчик.

– Тотчас исполню, мой господин! Может, отведаете жареной рыбки?

– Попозже. Во дворе, под навесом – скамья. Там, пожалуй, и сяду.

– Как угодно, почтеннейший господин, как угодно.

Хасх-Веря не просто сидел – напряженно прислушивался к собственным ощущениям. Если здесь побывал колдун, он должен был оставить след – остатки заклинания на хозяине, слугах или, скажем, привратнике, увядшие обереги и прочие мелочи, кои посланник с удесятеренной силой амулета девственниц почуял бы сразу. Но вот что-то не чуялось. Не было ничего, что ли? Или – неизвестный колдун оказался так силен? Так такого просто не может быть, о наделенном столь необыкновенной колдовской силой человеке давно бы знали… Так в чем же дело? А если…

Представитель Великого Седэя неожиданно хмыкнул и совсем по-мальчишески хлопнул себя по лбу!

Ну, конечно же! Нельзя отыскать то, чего нет. Не было здесь никакого колдовства, брагу просто отравили, что-то подсыпали, обошлись без наговора – травками. Кто бы то ни был – он умен и хитер, этого не отнимешь. Явился под видом гостя… Впрочем, почему «под видом» – именно гостем, приехал кого-нибудь навестить или просто – на праздник. Если так, тогда дело за малым –

подробненько расспросить хозяина и слуг: кто у них вчера ночевал… или позавчера, или чуть раньше – в то время, когда варили брагу.

– Брага? – поставив на стоявшую рядом со скамьей бочку кувшин с вином, Гардатко Истой довольно потер руки. – Да уж, брага у меня знатная, не стану скромничать – о том все в городе ведают! Увы, господин, сейчас я ее предложить не могу – вчера только поставлена – во-он в тех кувшинах, в углу – поспеет лишь через три дня.

– В каких-каких кувшинах?

– Да вон, за навозной кучей. Там собака еще.

Хасх-Веря давно уже разглядел большие, вкопанные в землю кувшины, увидел и изрядных размеров пса – пегого, с желтыми подпалинами и оскалом, словно у волка. Пес имел вид вполне недобрый, такой, какой и должен быть у настоящего сторожа. Широкий ошейник из кожи нуера, такой же кожаный ремешок, пасть, усеянная острыми зубами, – чужой к кувшинам не подойдет, тут и думать нечего. Значит, подговорили кого-то из слуг… или самого хозяина? Нет, зачем это ему надо? Влезать в городские интриги для простолюдина – себе дороже, а Гардатко Истой впечатления идиота не производил.

– Что, господин? Нет, никаких гостей в последнее время не было, ты, уважаемый, первый. Так до праздника масок еще далеко! Вот тогда-то народ и пожалует – всем места не хватит, во дворе спать будут. Так желаете рыбки?

– Гм… а, пожалуй, неси.

Хлебнув терпкого малинового винца, посланник встал со скамьи и неспешно прошелся по обширному двору гостевого дома в сторону кувшинов с поспевающей брагой. Зорко охранявший бражку пес вскинулся и угрожающе зарычал, оскалив желтые зубы.

– Тихо, тихо…

Колдун уже собирался огреть псину заклятьем, как вдруг замер, почувствовав нечто, что давно уже ожидал ощутить. Что-то такое, едва уловимое… кто-то уже

заговаривал пса! И остатки заклятья еще оставались, еще не растворились полностью, Хасх-Веря это хорошо чувствовал… благодаря амулету во многом, да. А заклинаньице-то оказалось слабым, так себе, и наложено этак по-ученически старательно, но все равно – слабо. Словно ребенок шалил. Ребенок?

– Эй, хозяин! Ну, где там твоя рыба?

– Несу, господин, несу… Мальчик? Не, нет у меня таких слуг. Был когда-то один, в привратниках, наглый да вороватый бездельник, пришлось его выгнать да вот, завести собаку. Как звали? Нойко. Нойко Дрянная Рука. Так и прозвали за то, что он, поганец, у Дома девичества за девками молодыми подглядывал – как купались, и… Нет, господин, где он сейчас, я не знаю. С кем дружил? Да пес его… Живут тут, неподалеку, его возраста примерно… может, с ними и дружил, того точно не ведаю.

Опрашивать окрестных мальчишек Хасх-Веря сам не пошел, вернулся в дом Еркатко Докромака да послал слуг, точнее сказать, колдунов младшего извода, коих, если по уму, еще и колдунами-то назвать было нельзя, так, прихлебатели. Облачком солнце загородить, вызвать град, ветер – не более. Выбрав двоих, помоложе, посланник лично проинструктировал обоих и проследил, чтоб оделись соответствующим образом – попроще, как все. Узкие набедренные повязки, безрукавки змеиной кожи, на шеях – бечевки с оберегами простенькими.

– Упаси вас боги корчить из себя колдунов или бывалых воинов, – наставлял соглядатаев посланник. – Вы – так, мелочь, едва-едва в дом воинов принятая. Приехали на праздник из… не, не из столицы… хотя – пускай! Больше к вам внимания от местных отроков будет. Особо не задавайтесь, дружелюбными будьте, вкусных заедок с собой возьмете – угощать будете. Игры еще детские не забыли? Ну, вышибала там или еще что…

– Драконов хвост, – несмело промолвил один из парней.

Хасх-Веря несколько опешил:

– Кто драконов хвост? Ты на кого, змеиная голова, ругаешься?

– Игра такая – «драконов хвост», – поспешно пояснил соглядатай. – Кстати, и «змеиная голова» – такая тоже игра есть, это когда встают вместе, а потом разбегаются, и кто последний…

– Да-а, – посланник Великого Седэя озадаченно покачал головой. – Вижу, парни, я в вас не ошибся. Ну, ступайте себе, вечером жду с докладом.

Молча поклонившись, парни ушли. Колыхнулись в дверном проеме циновки.

– Да-а, – снова протянул Хасх-Веря. – Это кого же Седэй мне в помощники определил? Сущих, право слово, детей! Им бы еще в игры играться. Не знаю уж, будет ли толк.

Три дня юные соглядатаи Великого Седэя ошивались средь местной пацанвы совершенно зря. Нет, конечно, со многими познакомились, вечерами затевали игры, только вот по существу дела, увы, доложить пока было нечего. Тем не менее Хасх-Веря терпеливо ждал, и наконец дождался. Один из слуг – молодой Хавюр-та, – явившись как-то ближе к ночи, доложил, мол, дружки ему показали одну старую заброшенную хижину с плоской крышей.

– И что в той хижине? – зевая, перебил колдун.

– В хижине ничего такого, мой господин. Все дело в крыше.

– В крыше?

– Парни говорят, с нее хорошо купающихся дев видать.

– Тьфу ты, разрази тебя Сиив-Нга-Нис! Разве ж я тебя о девках спрашивал? Разве за тем посылал? Ах ты бездельник, бесхвостый нуер, вонючая отрыжка трехрога! Да я тебя…

Парень испуганно бросился на колени:

– Не гневайся, господин! Я просто хотел сказать… кое-что узнал ведь…

– Про девок-купальщиц узнал, двуног гнилозубый?!

– Про чужака, господин.

– Та-ак… – Хасх-Веря сразу же перестал ругаться. – Что за чужак?

– Не совсем чужак, господин. Старый их знакомый, как зовут, они не говорят пока, – не вставая с колен, быстро промолвил помощник. – Крыша-то от берега далеко, никаких там девок не видно – я это им сразу сказал, так они засмеялись, мол, есть у знакомца их волшебный глаз, точнее сказать – труба, так эта труба далекое близким делает. Знакомец дружков моих новых обещал эту трубу парням на время дать, хоть сам над ними смеялся – мол, девок на том берегу мало, и ходят они не часто, коли б часто – так и он бы пришел взглянуть.

– Хорошо, Хавюр-та! – выслушав, посланник довольно кивнул. – Завтра приведешь меня к своим знакомцам. Пока же ступай отдыхать.

– Слушаюсь, мой господин.

Вновь колыхнулась циновка. Хасх-Веря, не раздеваясь, улегся на ложе и задумался. Ну, вот оно – похоже, все подходило к концу. Уже завтра в его руках окажется юный отравитель, под воздействием заклинаний новоявленные дружки Хавюр-та сами знакомца своего приведут, покажут… все так…

Нет! Не так! Так – лишь все испортить можно!

Посланник аж вздрогнул, подпрыгнул на ложе. Тот неизвестный колдун – хитер, и колдовство не использовал, опасался, а он, Хасх-Веря, что же, глупее? Прибегнуть сейчас к заклятьям означало бы резко насторожить неизвестного, дать ему понять, что идет охота! Колдовство он почует обязательно – затаится, ляжет на дно, исчезнет. Потом всплывет где-нибудь и незнамо как еще себя проявит. А что скажут завистники в Великом Седэе? А то и скажут – Хасх-Веря, мол, недоглядел, не оправдал доверия, его вина – и амулет на крови девственниц ему зря давали.

Не-ет, не будет того, не будет! С этим колдуном тоньше надо, хитрее. Обойтись, елико возможно, без наговоров да заклятий, без чар. Просто умом, хитростью и грубой силой. Этого уж ни один колдун не почует.

Рассеянно походив по комнате, посланник позвал хозяина. Старый Еркатко Докромак явился сонным, однако с поклоном, да и вообще всем своим видом словно бы говорил – чего изволите?

– Эрве-пухуця, – напомнил колдун. – Она все еще хозяйка в Доме девичества?

– Так, господин. Змея старая, тьфу!

– Хорошо, – гость покивал головой. – Позови-ка ее в гости завтра, прямо с утра. Скажи, кое-кто из Седэя хочет поговорить.

– Старуху?! – неприязненно скривился Еркатко. – Сюда?

– Старуху. Сюда. Я не ясно выразился, мой друг?

– Будет исполнено!

– И собутыльника своего, вождя… как его…

– Та-Ертембе, господин.

– Да, он тоже пусть придет, но попозже, к вечеру. Его воины мне тоже понадобятся.

Заброшенных хижин в Хойнеярге, как и в других подобных ему городках, было не так уж и мало. Сир-тя всегда предпочитали общую – почти у всех на виду – жизнь: общий котел, общая трапеза, общие веселье и горе. В хижины приходили только спать, да не особо за дома свои и держались – ежели что (пожар или какая другая напасть), выстроить новое жилье – легко и быстро. Покорные менквы вкопают столы, навесят циновки, покроют пальмовыми листьями крышу – вот и готова хижина, вселяйся, живи да радуйся. Бросали же жилища по разным причинам – кто-то умер, кто-то стал стар, а кому-то и просто разонравились соседи или место. Брошенных домов хватало, иные завалились уже, а в других еще можно было жить припеваючи.

Одна из таких хижин располагалась на западной оконечности острова, невдалеке от моста, рядом с заливным лугом и заросшим высоким камышом берегом, в окружении невысоких, с желтыми листьями, пальм, орешника и кленов. Вплотную к дому росли колючие густые кусты черной и красной смородины и крыжовника, видать, прежний хозяин любил побаловать себя ягодами.

Опальный колдун, изгой Енко Малныче тоже не отказывал себе – ел горстями да вспоминал иногда верного друга – яйцеголового ящера Ноляко, ныне пущенного на вольный выпас в непроходимую чащу. Ноляко тоже любил смородину, вот, полакомился бы.

– А, вон ты где, – откинув легкую травяную циновку, в дверном проеме появилась стройная красавица Сертако-нэ, бывшая при колдуне то ли женой, то ли наложницей, то ли просто верной подругой.

Зеленоглазая, с рыжевато-черными, распущенными по плечам волосами, Сертако, в одной набедренной повязке и короткой безрукавке из тонкой кожи важенки, выглядела сейчас столь аппетитно, что Енко едва не подавился ягодами, и это несмотря на то, что буквально только что провел с любимой бурную и жаркую ночь.

Что же говорить о других двух учениках колдуна-изгоя, молчаливом и вечно хмуром Ясавэе из далеких северных краев и местном мальчишке Нойко по прозвищу Дрянная Рука. Ясавэй-то еще сдерживался, стеснялся, а вот Нойко… тот глаз с полуголой девчонки не сводил, облизывался да чесал загорелый живот.

– Повезло нашему господину, да-а!

– Нойко, Ясавэй, – махнув рукой Сертако, Енко Малныче выбросил ягоды и подозвал обоих. – Что там с Еркатко?

– Все, как ты и думал, господин! – выпятив тощую грудь, гордо доложил мальчик. – Оба, и старый хрыч, и этот дурак вождь, ужрались так, что совсем стыд потеряли, принялись на голых девках скакать да меж собой биться…

– А ты откуда про то знаешь?

– Все слуги видели. Рассказывали – обхохочешься. Хорошая трава оказалась, хозяин!

– А кроме слуг? – Енко неожиданно нахмурился. – Там ведь гость должен был пожаловать… важный.

– Был гость, – закивал отрок. – И сейчас еще есть, там, у старика, и живет. Правда, зачем приехал – не знаю.

Молодой колдун скривил губы:

– Ну, зачем – догадаться не трудно. Эрве-пухуця! Зря, что ли, я ей через девок почти полгода нашептывал, подзуживал. Теперь старому хрычу покою не будет, ага!

– Господи-ин… – сложив на груди руки, просительно протянул Нойко. – А вот когда в городе власть наша станет… тогда Ясавэю и мне жениться можно будет?

– Ясавэю – можно, – Енко Малныче хитро прищурился. – А тебе – рановато еще.

– Как это – рановато? – оскорбился мальчишка. – Да я…

– Знаем, знаем. Любишь ты на голых девок смотреть.

– Так чего ж в этом плохого? Красиво же!

– О! ты смотри – ценитель какой выискался, – посмеявшись, колдун вновь принял самый серьезный вид и негромко спросил: – Там, в гостевом доме, точно без колдовства обошлись?

– Да обошлись! – резко заверил Нойко. – Чего там и колдовать-то? Зашли во двор да сыпанули зелье в кувшины. Скажи, Ясавэй!

– Все так и было, – подтвердил Ясавэй. – Правда, я у ворот стоял, а там, у кувшинов – собака.

– Так собака-то меня знает, я ж там раньше жил!

Вот тут Дрянная Рука слукавил, так, чуть-чуть. Чуть-чуть сколдовал, чего уж – больно уж грозным пес показался, пришлось унять. Именно что «чуть-чуть» – а «чуть-чуть» не считается, не о чем и говорить.

Енко Малныче тоже не заподозрил юного своего помощника, да и не старался – на Сертако отвлекся, облизнулся… в дом, что ли, пойти? Да этих обоих куда-нибудь услать…

– Сходили б, что ли, парни, за рыбой.

– Да-да-да! – обрадовался Нойко Дрянная Рука. – Сходим, вечером явимся, ага. Наловим… правда, Ясавэй? А я еще к ребятам загляну, новости пособираю.

– Это правильно, – колдун одобрительно кивнул. – Смотри только там, осторожней.

Парни ушли, Сертако скрылась в хижине, и Енко, набрав в горсть черной смородины, пошел следом. Все пока хорошо складывалось, так, как надо. Не только старого тюленя Еркатко Докромака унизить удалось, но и военного вождя, да еще в присутствии важного столичного гостя! И ничем Енко себя не выдал – никакого колдовства не использовал, один только ум да еще ловкость, не столько свою, сколько – помощников, учеников. Тихо действовал, особенно не наглея, не торопясь, понимал – ежели хоть чем-то себя выдаст, ежели вспомнят про него – всю колдовскую мощь супротив бросят! Потому осторожничал, но вроде бы неплохо пока выходило – власть на смех поднять, потом тихой сапой самому к власти пробиться, для чего нужно было доверие к себе вызвать, правда, так далеко Енко пока не заглядывал, да и рассчитывал при том не только на свои силы, но и на помощь белых друзей с Троицкого острога, у которых, в случае чего, думал отсидеться.

– Эх, Сертако, – войдя в хижину, Енко широко улыбнулся. – Скоро заживем с тобой, как люди.

– Для того еще потрудиться надо, – стащив через голову безрукавку, тихо отозвалась девушка. – Очень много потрудиться, ага.

– Потрудимся. Мы и сейчас не бездельничаем, верно, милая?

Усевшись рядом с возлюбленной на ложе, молодой человек нежно погладил девушке грудь, захватил между пальцами соски, сжал, чувствуя, как те на глазах наливаются соком, твердеют…

Осторожно уложив Сертако на ложе, Енко принялся целовать ее грудь и плоский животик с темной манящей ямочкою пупка, а затем, сорвав набедренную повязку, поласкал лоно – горячее, томное, терпкое. Тяжело задышав, девушка прикрыла глаза, и Енко лег на нее сверху, прижал к себе, с жаром целуя в губы. Сертако дернулась, с уст ее сорвался слабый стон, а руки обхватили, оплели поясницу любимого… зашаталось, заскрипело старое, крытое оленьей шкурою ложе…

– Очень хорошо, друг Ясавэй, – на ходу радостно балаболил Нойко. – Пока ты ловишь рыбу, я пробегусь по друзьям, разузнаю все городские новости…

– Соберешь все сплетни!

– Ну, можно и так сказать, – мальчишка ничуть не обиделся. – Именно это ведь и просил хозяин!

– Собирай, собирай, – хмыкнул Ясавэй. – Я где всегда буду – у омута.

Махнув ему рукой, Нойко свернул к храму веселого бога Хоронко-ерва и скрылся из глаз за раскидистою акацией.

Ясавэй погладил прихваченную с собой острогу – пусть хозяин и запретил строго-настрого использовать любое заклятье, но ведь он, Ясавэй, охотник – обойдется и без колдовства, без рыбы никто не останется. Это Нойко – безрукий, а уж Ясавэй… Северный охотник, это вам не городской бездельник, так-то!

Оба ученика колдуна, поначалу соперничающие едва ли не до открытой вражды, нынче были вполне довольны друг другом. Каждый занимался тем, что было ему ближе – Ясавэй тайно следил за теми, на кого указывал хозяин, а еще и охотился, и ловил рыбу, Нойко же ошивался среди гущи народа, ничего и никого

не боясь и чувствуя себя как рыба в воде. Кому – что.

Вот и сейчас Дрянная Рука бежал на встречу с дружками едва ль не вприпрыжку. И последние сплетни узнать, и… заняться кое-каким – весьма приятным – делом. Если, правда, приятели не обманули. Нет, а с чего им врать-то? Мол, каждый вечер на дальнем мысу – целое сонмище дев! Ниоткуда купальщиц не видать – кусты, обереги, – а вот с крыши – запросто. Тем более с помощью волшебной трубы, той самой, что Нойко прихватил в остроге у белых людей, да что там говорить – у самого главного их вождя! Не то чтоб специально готовился выкрасть, просто как-то увидал – лежит себе труба на скамейке, поблескивает… ну и взял, а чего ж ей зря-то валяться?

Ох, какая труба! Все, что далеко, таким близким делает – все во всех подробностях видно!

Приятелей Дрянная Рука заметил еще издали – на углу, у рынка крутились – то ли замыслили что-то украсть, то ли его, Нойко, ждали, точнее, не столько самого Нойко, сколько его трубу. Все старые знакомцы, не то чтобы друзья, а так, вместе крутились. Лопоухий Илко, вечно сопливый Някоця, Ичша по прозвищу Рыбий Хвост. С ними еще какой-то незнакомый парень, длинный, худой.

– Хэй-гей, парни! Да пребудет с вами Хоронко-ерв.

– И тебя да не оставят заботами боги. Это вот, познакомься, Хавюр-та, почти из самой столицы!

– Как это – почти? – ухмыльнулся Нойко.

– Ну, деревня там у нас, рядом, – Хавюр-та смущенно моргнул.

– Так бы и сказал, что из деревни! – хохотнул Дрянная Рука. – Ну, что стоим? Когда вы говорите, девчонки на берегу собираются?

– Да как раз скоро. Второй день подряд! Да в великом множестве!

– Так уж и во множестве? – усомнился владелец волшебной трубы. – Небось одна-две, да и те уродки, смотреть не на что.

– Какое одна-две? Их там с дюжину!

– Тоже мне – «великое множество».

– Красивые, грудастые, титьки аж до пупа – во!

– Да откуда вы знаете-то? Без трубы-то там и хвоста нуерова не видно!

– Мы так думаем, друг наш Нойко, вот! – уверенно заявил Ичша. – Ты лучше скажи – дружку нашему новому Хавюр-те дашь посмотреть? А то он скромный, не спросит.

– Это смотря что он в обмен предложит. – Дрянная Рука оценивающе осмотрел новичка. – Вы – что-нибудь интересное расскажете, а он…

– А я – вот! – Хавюр-та разжал кулак, и на смуглой ладони его золотом блеснул браслетик.

– Ха! – разочарованно бросил Нойко. – Всего-то золотишка! Их у меня как грязи.

– И… вот еще, – новичок поспешно вытащил из-за пазухи небольшой обсидиановый нож.

– Ну, это еще куда ни шло. – Дрянная Рука с важным видом потрогал скол. – Острый!

– Смотри, не порежься.

– Ниче! Как-нибудь управлюсь. Ну, что стоим? Пошли, что ли?

Вскорости парни вольготно расположились на плоской крыше, была когда-то у не совсем бедных людей такая мода – плоские крыши устраивать, террасы на них ставить да спать. То-то веселуха соседям! Потому-то – по многочисленным жалобам на разврат – крыши такие лично Еркатко Докромак запретил, тоже еще, выискался высокоморальный цензор.

– Ну, где ваш бережок-то? – плотоядно подняв зрительную трубу к глазам, осведомился Нойко.

Някоця показал рукой:

– А вон!

– Ну-ну, – устраиваясь поудобнее, глубокомысленно изрек Дрянная Рука. – Поглядим. Ого!!!

Глянув в трубу, мальчишка не удержался от изумления: приятели его вовсе не обманули, девки на берегу были, да какие! Числом около дюжины, одна другой красивше! Явились они, как видно, только что – пришли из Дома девичества – кто в набедренной повязке, кто в оленьих штанах, а кто и в длинных льняных платьях с широкими лямками, открывавшими левую грудь. Да груди у них у всех вскоре открылись, у всех этих девок-купальщиц! Расположившись на бережку, девы тотчас же принялись скидывать с себя одежку, бегать, дурачиться, смеяться – потом побежали в воду, верещали, брызгались. Нойко аж рот раскрыл! Там одна, пышногрудая, ему очень понравилась. И вон та, с коричневыми сосками – тоже ничего… и вот эта, толстопопая, с лоном, как… Отрок так и представил – вот, протянет сейчас руку, и упрется прямо в мягкую грудь… нет, лучше – в твердую грудь, тугую. Вот сейчас… вот…

– Что, интересно?

– Еще бы!

– Другим-то дай посмотреть… Волшебную трубу вдруг властно потянули.

– Эй-эй! – встрепенулся Нойко. – Вы чего? Забыли, как договаривались? Сперва я смотрю, а уж потом только вы. Ну че?! Трубу-то отдайте, нуеры… Ой!!!

Тут только парнишка заметил, что друзей-приятелей вокруг-то и нет! А есть дюжина суровых молодых воинов во главе с каким-то сутулым дядькой и… и еще новенький… как его, Хавюр-та, кажется…

– Я так рад видеть тебя, славный Нойко Дрянная Рука, – разведя в стороны руки, сутулый улыбнулся мальчишке, словно лучшему другу. – Ну, идем же наконец ко мне в гости, идем.

– Не хочу я ни в какие гости! – встрепенувшийся было парнишка тут же увял, получив затрещину от стоявшего рядом воина.

Такую увесистую, что в голове загудело, а мысли спутались, и уж ни о чем не хотелось думать – ни о толстопопых девках, ни о чем другом, столь же красивом и приятном. Вообще – ни о чем.

Хасх-Веря спустился в стойло дракона сразу же следом за старым Еркатко. Зверь, спеленутый особым заклинаньем, почуяв запах людей, дернулся и зашипел, словно огромная змея. Впрочем, не такой уж он был и огромный – ростом всего лишь раза в два побольше Нойко и длиной локтей семь – от полосатого хвоста до узкой, почти крокодильей морды с небольшим кожистым выступом – рогом.

Дрянная Рука испуганно пятился – это, конечно, не могучий двуног со скалу размером, но все же опасный хищник, разорвет на куски запросто, вон когти какие на передних лапах, а зубищи-то, зубищи – брр!

Обликом обитавший в подземелье мужского храма дракон походил на двунога, только раз в пять меньше – мощные задние лапы и небольшие передние, длинный хвост, массивная голова на короткой шее, пахло от ящера кровью и требухой и еще какой-то гнилью, скорее всего, зверюга не брезговала и падалью или просто жрала все, чем ее тут кормили.

Чем именно кормили дракона, Нойко все же увидел – под желтоватым брюхом дракона, на старой соломе, валялась недогрызенная человеческая рука, откусанная по локоть. Изящная такая рука, белокожая, девичья, с узеньким золотым браслетиком на запястье.

– Видишь ли, юный друг мой, сей дракон ест людей по частям, – сутулясь, с любезной улыбкой пояснил посланник. – Пасть у него слишком уж узкая, да и вообще – маловат, целиком тебя не заглотит. Сначала руки откусит, потом – ноги или выдернет когтями кишки. А голову – уж напоследок, любит он, когда жертва

еще живая, трепещет! Ну, парни, – без всякой паузы колдун обернулся к воинам. – Давайте его на корм.

Схватив Нойко за шею и за руки, воины проворно потащили его к дракону. Ящер обрадованно встрепенулся, забил длинным хвостом и, мигнув желтым злым глазом, плотоядно щелкнул пастью.

– Ай! – испуганно дернулся мальчик. – Подождите… Не надо-о-о-о!!!

Глава III

Весна – лето 1585 г. П-ов Ямал

Беспокойные времена

Ясавэй явился один, Нойко не пришел и ночью, и к утру. Напрасно Сертако выглядывала на улицу, да утром Енко и Ясавэй напрасно прошлись по рынку, обшарили все берега, расспросили прохожих – никто ничего.

– А так не может быть! – вернувшись в хижину, молодой колдун нервно потер ладони. – Не столь уж многолюден Хойнеярг, кто-нибудь да видел бы Нойко, сказали бы. Ну а раз не сказали, значит – что?

– Значит, кто-то парня прикрыл, – Сертако невесело усмехнулась. – Завесил колдовской пеленою.

– Да-да, – задумчиво покивал Енко Малныче. – Я тоже чувствую здесь какое-то колдовство. И это не тупые чары Докромака! Нет, тут все куда изящнее, тоньше. Не столичный ли это нуер постарался?

Сертако вскинула голову:

– А ему-то это зачем?

– Не знаю! Мальчишка – ни к чему, точно. Быть может, высокий гость почуял меня? Что ж, тогда поборемся, померяемся силой, а?! – Енко азартно выдохнул и расхохотался.

– Померяемся… – поправив безрукавку, глухо промолвила девушка. – Но, как только тебя почуют, вспомнят, сюда нагрянет множество колдунов, и весьма сильных. Ты надеешься победить их всех?

– А ты мудрая, – молодой человек потянулся к стоявшему на столе кувшину с кислым киселем. – Права, права – как только я себя выдам, мы тут не протянем и пары дней. Но и без колдовства не обойтись, как же иначе противостоять чужим чарам? Да и Нойко неплохо бы выручить, хоть он того и не заслуживает.

– Ты думаешь, он еще жив?

– А мертвый он никому не нужен, – резонно заметил колдун. – Жив, жив – и сейчас рассказывает про нас… или чуть позже расскажет. Уж будьте уверены, колдуны из него вытянут все… Правда, я пока не чувствую чужих заклинаний… и это пугает. Неужто никакого колдовства нет? И этот визитер из столицы никакой не колдун, просто явился с обычной проверкой. Может, и так…

– Ты ж сам только что сказал, господин, что Нойко прикрыли колдовской завесой, – напомнил скромно стоящий в углу Ясавэй.

Енко дернул шеей:

– Это могли сделать и местные. Поверьте, мне ничего не стоит эту завесу прорвать! Только если там и вправду колдун. Нет, надо что-то похитрее придумать. И поскорее покинуть это место, спрятаться.

– Ты хочешь найти другую хижину? – переспросила Сертако. – Такую же развалюху?

– Нет, – колдун покачал головой и хитро прищурился. – Я хочу поселиться там, где колдуют. Тогда и сам смогу проявить свою силу. И никто меня не определит, даже первостепенные колдуны Дан-Хаяра!

– Инте-ересно, – девушка скептически хмыкнула. – Ты предлагаешь перебраться в храм Хоронко-ерва? Или к мужскому богу? Идея хорошая. Только вот куда мы денем жрецов?

– С ним и будем жить, – ухмыльнулся Енко. – Точнее – с ней.

– С кем это?!

– А вам обоим не кажется странным, что столичный гость до сих пор живет в доме у старого тюленя Еркатко? И туда почти каждый день наведывается военный вождь, славный Та-Ертембе? Ведь так, Ясавэй?

– Да, каждый день приходит, – кивнув, подтвердил юноша. – Пьют малиновое вино, разговаривают. Только я не знаю, о чем – слуги не знают.

– Вот видите! – снова засмеялся колдун. – И это вместо того, чтоб тотчас же доложить Великому Седэю обо всех тех безобразиях, что творила эта парочка – вождь и старый колдун. Значит, гостю зачем-то нужны они оба, а вот старуха Эрве-пухуця, похоже, что не нужна.

– А при чем тут Эрве-пухуця? – Сертако с отвращением передернулась, не очень-то хорошие воспоминания остались у нее о хозяйке Дома девичества.

Енко побарабанил пальцами по кувшину с киселем:

– Вы что, забыли, кто донес на Еркатко? И сколько сил я потратил, чтобы разжечь вражду между похотливым нуером и старой ведьмой?

– Ты… ты хочешь спрятаться в Доме девичества?!!! – ахнула Сертако.

– Не именно там, а где-нибудь рядом, скажем – в саду, – колдун невозмутимо повел плечом.

– Я туда не пойду! – тряхнув головой, решительно заявила девчонка. – Эта мерзкая старуха, она…

Зеленые, вытянутые к вискам, глаза ее вспыхнули гневом, щеки раскраснелись…

– Пойдешь, – спокойно молвил колдун. – Будешь улыбаться, кланяться… и, если надо – разделишь с нею постель! Да-а, именно так, и не возражай мне!

Енко Малныче резко повысил голос:

– Поверьте, я знаю, о чем говорю – это единственное наше спасение. Затаиться, залечь – и колдовать спокойно. Ну, Сертако, родная! Нежели я хочу тебе зла?

Прижав девушку к груди, колдун ласково погладил ее по волосам.

– Даже и не знаю, – прошептала Сертако. – Все равно, эта старая ведьма… Ладно! – девушка резко выпрямилась. – Пойдем, коль уж решили.

Енко Малныче качнул головою:

– Сначала я поговорю со старухой. Вы пока подождете на берегу.

Допив кисель, все трое покинули хижину и отправились к озеру, к отмели, заросшей густым кустарником и камышом. Стоял утренний туман, весьма плотный, такой, что противоположного берега и вовсе не было видно, лишь кое-где угадывалась темная стена леса.

– Вот, здесь и ждите. Место удобное.

– Господин, – поковыряв босой ногой песок, Ясавэй несмело повернул голову. – А мы не зря таимся?

Колдун сверкнул глазами:

– Зря? Поясни!

– Ведь у Нойко узнают все. И о тебе – тоже.

– Узнают – да, – покивал Енко Малныче. – Но так же узнают и кто такой Нойко – врун, хвастун, выдумщик. Умный человек поверит ему?

– Поверит. Но не во всем.

– Вот именно. Останется сомнение, сомнение в моей силе. И если эту силу больше не почувствуют, тогда решат, что мы все же сбежали, ушли.

– Станут искать. Вышлют погоню.

– Обязательно вышлют. И пусть! А мы отсидимся здесь, а уж потом уйдем – спокойно, не торопясь, как и положено солидным людям, – колдун мечтательно прищурил глаза, красивое, слегка скуластое, лицо его, обычно несколько надменное, со всегдашней усмешкой, вдруг на миг сделалось добрым и радостным, как у играющего ребенка. – А может, и не придется никуда уходить, если боги будут к нам милостивы. Подождем, затаимся! Ну, Ясавэй-нэ, что ты голову-то повесил?

– Нойко бы выручить, – тихо промолвил юноша.

– Выручим, – колдун пригладил пышную шевелюру и потрогал висевший на груди золотой амулет. – Сначала определим, где его держат. Желательно без колдовства.

– Я знаю в лицо всех слуг Еркатко Докромака, – улыбнулся Ясавэй. – Не зря же следил. Выясню!

– Вот и славно. – Енко Малныче подмигнул возлюбленной и вдруг настороженно повернул голову к озеру. – Вроде как кричит кто-то.

– Не человек, – прислушалась Сертако. – Какой-то зверь… спинокрыл или волчатник. О! Вот снова! Слышите?

Протяжный и какой-то грустный вопль, скорей даже – стон, донесся с того берега, увязая в тумане.

– Нет, это не спинокрыл…

– Конечно, не спинокрыл! – колдун неожиданно расхохотался. – Это другого рода ящер… родной мой, друг.

– Друг?! Неужель ты думаешь…

– Да, это Ноляко! Я знаю. Видно, соскучился, зверище, почувствовал, как мне сейчас тяжело.

– Да ну, – отмахнулась девчонка. – Быть такого не может.

– Не может? Смотри!

Енко едва слышно свистнул, и, точно в ответ на его зов, из тумана раздался протяжный вопль.

– Ну что? Слышали?

– Не зови! – дернулась Сертако. – Куда мы его денем?

– Пока никуда, – мягко заметил колдун. – Разве что… чуть позже.

– Хорошо иметь такого верного ящера, – с некоторой долей зависти прошептал Ясавэй. – Я б тоже хотел. Заведу! Вот только освою ученье.

Пришурясь, атаман Иван Егоров сын Еремеев посмотрел на только что скрывшееся за облаком солнце. Настоящее, золотисто-желтое, живое… Колдовское – яростно-сиреневое – светило висело куда как ниже и, казалось, прожигало насквозь.

– Да, жарковато сегодня, – подойдя, промолвил бугаинушка Михейко. – Вода в заливе нагрелась – не было бы беды.

– Думаешь, длинношей забредет или двуног? – усмехнулся Егоров. – Могут, конечно, но… больно уж они далеко.

– Пешие-то драконы – вряд ли, – здоровяк привычно поиграл мускулами. – А вот твари морские – могут. Какой-нибудь зубастый ящер, нуер.

– Нуеры в реках больше.

– И все ж… Я б, атамане, по берегам надежную сторожу выставил. С пищалями, со всем снаряженьем. Чтоб ежели вылезет из воды какое чудище – так враз!

– Дельно говоришь, – одобрительно кивнул старшой.

Иван всегда знал, что здоровяк Михейко, на вид – тупая бугаина, обладает острым умом и недюжинной смекалкой, много чего знает, но не рассказывает – стесняется, опасаясь показаться умнее других и тем собеседников своих обидеть. И бывают же столь деликатные люди, Михейко Ослоп – как раз из таких.

– Ты что задумчивый такой, друже Михей? Со стругом непорядок?

– Со стругом-то как раз порядок, атамане. Вона, гляди сам!

Чуть впереди, как раз по тропинке, за большим плоским камнем, где и стояли сейчас собеседники, у полувытащенного из воды струга копошились ватажники – что-то подделывали, конопатили, красили.

– Сиверов Костька сказал – добрый струг, – пояснил здоровяк. – Небольшой, однако вместительный и быстрый.

– А с осадкой как?

– Подходящая осадка – в локоть. Пройдет по любым рекам.

– Это хорошо, что пройдет, – покивал атаман. – Переволакивать-то нам несподручно – хочу пушек побольше взять, хороших, бронзовых.

Бронзовые литые пушки действительно были куда лучше чугунных либо железных, сварных. Во-первых, куда как легче, что в дальнем походе имело решающее значение, а во-вторых – намного безопаснее для самих пушкарей, в случае чего, перед разрывом на стволе появлялось вздутие, железные же разрывало сразу, и тогда обслугу осколками рвало в куски. Рвались, бывало, пушки-то, ничего вечного в мире нет.

– Так что тебя кручинит-то, Михей?

– С Афоней вчерась до поздней ночи беседовали, – тихо отозвался бугай. – Про нестяжателей, про Нила Сорского – тому еще и ста лет не прошло. Говорят, и государь наш, Иоанн Васильевич, дед родной Иоанна Васильевича нынешнего, да продлит Господь годы его, к нестяжателям тем склонялся, да вот помер. Афоня того Нила Сорского и сторонников его еретиками честит, а я вот думаю – зря ли? Чтоб церква – для молитвы токмо, а не землями, не людьми володеть.

– Согласен, мысли-то у нестяжателей добрые, – немало подивившись теме ночной беседы, степенно отозвался Иван. – Да только так часто бывает, что за доброю мыслью диавол стоит! Вон Лютера-немца вспомни. Тоже ведь так все говорил, а потом что? Церквы порушили, бог атства да земли забрали… и кто потом стал богатством тем да землею владеть? Сильные мира сего – короли, князья да графы! Ты вот смекай – ране с одной стороны – церковь сильная, с другой – светские князья. Что выходит?

– Равновесие!

– Вот то-то и оно. А коли равновесия нет? Человек слаб… даже – церковный. Лютер – что еще, мне литвин один про Кальвина рассказывал, того, что женевским папой прозвали. Тоже на словах одно проповедовал, а на деле? Костры запалил человечьи, запретил одежды красивые, веселье, праздники.

– Да-а, друже атамане, – покивал Михей. – Начинается-то оно всегда хорошо. Вон и во французской земле таких гугенотами прозывают. С католиками который год воюют, друга дружку бьют почем зря, храмы рушат. Хорошо, что Русь-матушку Господь бог от такого упас!

– О, гляди-ко! – присмотревшись, атаман указал рукой в небо, где над тем берегом, над лесом показался летающий всадник верхом на драконе с кожистыми крыльями и длинной зубастой пастью. – Опять колдун соглядатая послал. Давненько не было! Интересно, это они к чему?

– Думаю, не соглядатай это, – мотнул головой Михей. – Просто граничный страж. Близко сюда не летит, да и дракон у него бесхвостый, такие вообще далеко не летают, слабые. Митаюки как-то обмолвилась – мол, таких при дозорах воинских

держат: облететь, осмотреть что-нибудь. Для дальней сторожи бесхвостые ящеры не годятся никак.

Бугаинушка оказался прав – небесный всадник еще помаячил немного да скрылся вдали, словно бы упал, растворился в лесу.

Ватажники законопатили-подлатали струг быстро да, оставив покуда на берегу сохнуть, пошли собираться сами. Нужно было пересмотреть все оружие, боевой припас, амуницию – шлемы, ремни, кольчуги, панцири-латы. Все делали обстоятельно, однако и весело – с шутками-прибаутками, со смехом. Молодой, но уже опытный и много чего повидавший казак Ухтымко, сияя синими своими глазами, рассказывал про то, как бить двуногих драконов, огромных зубастых ящеров высотой со скалу:

– Главное, не бояться – зверь он и есть зверь, умишка немного – да ядром в лапу ему попасть, туда, где когти, либо в шею, в ином месте шкуру только из крупных орудий можно пробить – больно уж толстая. В голову вообще лучше не палить – ежели ядро аль пуля в глаз не угодит – отскочит, зверюгу раззадорит токмо. Так что, козаче, лучше всего – в ноги. Чтобы запрокинулось чудище да встать не смогло.

– Со сноровкой-то, верно, можно дракону ноги и саблей подрезать, подскочить да по жилке – чик! – подал голос Семка Короед, коего тут же подняли на смех.

– Да дракон-то ждать не станет, подскочишь, подскочишь, так тебя самого – чик – и в пасть! Колыхайся потом меж зубищами. Вон, Костюху-то помните? А ведь добрый казак был.

– Я вот тут подумал, братцы, – не выдержал подошедший к ватажникам Михей. – Коль ноги у драконов слабое место… ой, посейчас глупость скажу.

– Говори, говори, Михее! Глупость – так мы правим, ага.

– Так вот я и думаю, коли у дракона двуного, у поганого зубастого чудища, ноги – слабое место, так не сделать ли из кольев острых ежи? Аль из железа сковать да разбросать по берегу, как «чеснок», от конницы вражьей?

– От чеснока толк есть, козаче! – одобрительно высказался кто-то из казаков. – Помню, как-то под Белой Церковью выскочили на нас мадьярские гусары…

– Потом, Яшка, про гусар расскажешь! – поднявшись на ноги, резко оборвал Василий Яросев, казак немолодой, опытный, справный. – Ты, Михей, обо всем посейчас же атаману нашему доложи, пущай кузнецов настропалит. А колья мы и сами навострим, верно, робята?

– Навострим, дядько Василий, знамо дело!

– Ужо драконам то не по нраву станет!

– Пущай токмо явятся!

Идея Михейки Ослопа пришлась атаману по вкусу, выслушав, он только хмыкнул – и как сам-то не догадался раньше, ведь использовал же подобное против конницы, мелкие, сваренные меж собой гвозди – «чеснок». Иван не стал откладывать дело в долгий ящик, дал наказ кузнецам, а больше – плотникам, железо-то все ж берегли, а навострить да связать-сколотить колья – это быстро, дешево и сердито.

На следующий же день – пока набранный на поиски ватажки Матвея Серьги отряд не ушел – Егоров послал всех на материковый берег, раскидывать-расставлять «драконий чеснок», маскировать в кустах да в подлеске. Дело простое и нужное – чего откладывать-то? Ух, Михейко, ну, голова, да еще какая!

Казаки работали споро, да и работой то назвать было трудно, скорей так, развлечение. Прихваченные с собой девки сир-тя разложили на бережку костер да готовили на нем пищу – варили ушицу, пекли на горячих камнях белорыбицу. Кое-кто из казаков, исполнив дело, подходил к костру, брал за руку приглянувшуюся деву, вел на полянку, в лес…

Молодой Яшка Вервень супружницу свою, ясноглазую Ябтако, тоже за руку взял:

– Ну, хватит уж хлопотать… хлопотунья. Идем… погуляем.

– Да за похлебкой надо бы присмотреть.

– Другие присмотрят…

– Ох, милый… эй, Меретя-нэ! Поглядишь, помешаешь? Вот спасибо, ага.

Выйдя на полянку невдалеке, супруги улеглись в траве, средь розового сладкого клевера, средь желтых одуванчиков и ромашек.

– У тебя глаза, словно звезды, – прошептал Яшка, снимая с юной супруги оленью кухлянку.

Обнажив грудь, припал языком к коричневым крупным соскам, ласкал, гладил, потом стащил с ненаглядной лосины, и сам быстро скинул одежку, чувствуя, что не может больше терпеть. Да и не вытерпел, чувствуя, что Ябтако так толком и не поняла, что случилось, слишком уж все произошло быстро.

Хотя… а куда им сейчас было спешить-то?

– Полежим, люба… помилуемся… Я тебя поглажу… тебе как больше нравится?

– Спинку мне погладь, – Ябтако перевернулась на живот, – и вот тут… ниже, где ямочки. На меня можешь сесть, ага… так… Ах, ах, милый…

Тощая большерукая Меретя заглянула на поляну просто так, нарвать для венка ромашек. Варево уже сварилось, и огонь девчонка затушить не забыла – чем теперь и заняться-то? Только венки и вить. Прибежала на полянку, сорвала ромашку… одну, вторую, третью… и вдруг застыла, услыхав чье-то громкое дыханье и шепот. Затаившись, Меретя отвела руками ветки смородины… О, великий Нга-хородонг! Что тут творится-то!

Девчонка едва не вскрикнула, да вовремя зажала себе ладонью рот – до чего любопытно стало. На краю полянки, как раз за смородиновым кустом, лежала лицом вниз нагая девчонка, Ябтако, сверху же на ней примостился такой же голый белокожий варвар, молодой, мускулистый, со шрамами. Как его звали, Меретя не знала, да и не стремилась знать, однако не уходила – больно уж

интересное действо разворачивалось перед ее взором.

Голый варвар нежно гладил лежащую Ябтако по спине, иногда нагибался, что-то ласково шептал и целовал в шею. Девушка же, вытянув руки вперед, млела да время от времени что-то тихо говорила на варварском языке, словно бы подсказывала – и молодой воин послушно исполнял все наказы. Вот поцеловал возлюбленную между лопаток, а вот ладонь его скользнула в траву, к девичьей груди… протиснулась ниже, к лону… Чуть слышно застонав, Ябтако снова что-то сказала, и варвар, осторожно перевернув ее на спину, улегся сверху, задергался… Девушка застонала, разведя в сторону ноги, и страстные стоны становились все громче и громче, пока наконец руки ее, сведенные на голой спине воина, не поникли без сил, словно листья пальмы в безветрие.

Меретя тоже перевела дух, очнулась, чувствуя внизу живота тяжесть и жар. Ей вдруг сильно захотелось мужчину, чтоб навалился на нее, трогал бы грудь, терзал, мял. Что ж, варваров тут нынче много. Почти все здесь, надо только искать, не сидеть, как снулая сова.

Решив так, Меретя тихонько отползла прочь и, вскочив на ноги, побежала к морю.

Два солнца нынче припекали, перебивая друг друга, и сидевший у самой воды, на большом плоском камне, варвар разделся до пояса, подставив разгоряченное тело свежему ветерку. Тощий, совсем еще молодой, почти мальчик. Ах… такой не откажет, не прогонит. С таким не страшно.

Живенько скинув с себя всю одежду, Меретя кашлянула…

Сидевший на камне Семка Короед обернулся, с удивлением обнаружив за своей спиной совершенно голую девку – смуглую, угловатую, тощую, с непривлекательным, скуластым и плоским, словно шаманский бубен, лицом, узкими – щелочками – глазами и широким приплюснутым носом.

– Ого! – тем не менее изумился Семка. – Ты кто?

Просто так спросил, тут же вспомнив, что где-то он это чудо безгрудое видел – да среди полоняниц, где же еще!

Пока он раздумывал, страшноватая с виду девка не теряла времени даром – нагло уселась рядом, обняла… Конечно, будь у Короедова девки поприятней, он бы эту лошадину прогнал, а так… Так что-то защемило в грудине, едва только прикоснулся парень к тощей голой спине, почувствовал, как лезут к нему под одежку горячие девичьи руки, ласкают, а вот вдруг сжали напрягшееся достоинство так, что и все!

Не говоря ни слова, дева вдруг поцеловала Семку в губы и, встав, увела за руку в лесок, на мшаник. Там и уложила на спину, раздела, сама сверху уселась, прижалась бедрами. Короедов глаза закрыл – уж будь что будет. И вскоре снова воспрянул – нежные девичьи руки свое дело знали, младой казачина и сам уже с удовольствием оглаживал деву по бедрам, щупал едва заметную грудь, только вот глаза благоразумно не раскрывал, представляя на месте некрасивой девки… атаманскую жену Настю – красивую, крутобедрую, с нежной золотистою кожей и карими, с веселыми искорками очами. Вот кого бы… Вот бы с кем…

Хотелось бы с Настей – да. А пришлось – вот с этой.

– О-ох!!!

Выдохнул Семка, глаза распахнул. Сидевшая на нем девка заластилась, улыбнулась кривозубой улыбкой – Боженька, вот же страх-то!

– Тепель мы – я и ты, завсегда как муж жена будем! – по-русски просипела дева. – То так. – И добавила что-то по-своему, склонилась, видать, хотела, чтоб Семка ее поцеловал, обнял – да не тут-то было, ага!

– Муж с женой, говоришь? – дернулся, разобиделся Короед. – Да на хрена ж мне такая женушка?! В походе-то дальнем я, чай, покрасивше найду.

– Верной-верной тебе буду, да, – прижимаясь тощими бедрами, шептала на своем языке Меретя. – Жить будем вечно.

– Да отстань ты от меня, лошадина страшная!

Сбросив девку в мох, Семка поспешно оделся и зашагал прочь, к кострам.

Меретя, конечно, обиделась. Но не сильно. Парня-то рассмотрела все ж таки. Ну, что это за воин?! Собой не видный, тощий, костлявый даже, да и не осанистый – совсем еще дите. Такому бы соску, не титьки бабьи. Не-ет, не такой муж ей нужен! На этого-то так просто польстилась – захотелось, прямо невмочь терпеть. Желание свое удовлетворила – ладно, теперь и на холодную голову подумать можно, она ж вовсе не глупая, Меретя, славную Митаюки-нэ всегда внимательно слушала, все наказы запоминала накрепко.

И то, что всем пленницам надобно мужа хорошего выбрать – побыстрее, однако и не шибко-то торопясь. И еще от Митаюки Меретя про ведьму Нине-пухуця краем услышала, про то, как та самого главного здешнего жреца, отца Амвросия, соблазнила, да так, что тот, бедолага, даже на пустынном островке от нее укрыться не смог, как ни старался.

Стать женой шамана, жреца – вот это дело! Вот это Митаюки-нэ непременно одобрила бы, кабы была здесь. Тем более оставшийся в селении белых шаман весьма юн, пожалуй, никак не старше того парня, что только что млел в жарких объятиях Меретя. Получилось с этим, выйдет и с тем, и наплевать, что тощая, что плоская грудь. Молодым-то парням особой красоты не надо, им доступность – главное… Так этот молодой шаман, он сейчас как раз на том островке, верно. В «пустыне», как они говорят, в небольшом храме возносит хвалу богу Креста. Вон он, островок-то, острую крышу храма отсюда видать.

Больше Меретя не раздумывала, пробралась к челнокам, выбрала понезаметней, столкнула на воду, весло не забыв прихватить. Погребла умело, руки-то были жилистые, сильные, правда, раньше доводилось только по рекам-озерам плавать, а тут вот, по морю пришлось, хоть и ветра почти не было, а все ж какие-никакие – волны. Захлестывали, челнок в борта били. Едва не перевернулась девчонка, но все ж, слава богам, выгребла, меж двух серых камней причалила. Наскоро осмотрясь, выскочила, вытащила лодку, прислушалась. Точно – кто-то молился в храме! И голос был такой размеренный, спокойный… молодой.

Ухмыльнулась Меретя, одежку скинула, волосы на глаза напустила – так они куда как пышнее казались да и скулы прикрывали. Вечерело уже, солнышко

алое в море садилось. Со стороны солнышка дева и зашла…

– И ныне, и присно, и вовеки веков, аминь!

Закончив молитву, Афоня перекрестился и, одернув рясу, надел на голову скуфеечку. Вышел из часовенки весь из себя умиротворенный, благостный. Вот ведь жизнь! Ответственность – да, но и службу божью справлять ведь кому-то надо. Афоня смел думать, что у него не худо то получалось. Нет, конечно, не так хорошо, как у отца Амвросия, но все-таки.

Казаки своего дьячка, несмотря на молодость и некую суетливость, уважали по-настоящему, и Афоня то чувствовал, старался во всех делах мирянам примером быть да службу вести старательно, со всем благолепием и надлежащим чувством. Да и работал: в остроге церковь Троицкую в порядке держал и не забывал о часовне. Нет, не зря отче Амвросий ее выстроил, на голом-то островке, в «пустыне» молитвы до Господа быстрее доходят! То и сам атаман признавал, человек умнейший. Сегодня вот припожаловать обещался, не один, с Михеем да кормщиком Кольшей Огневым – испросить удачи в пути, помолиться. Ждал их Афоня – пора бы! – вот и сейчас выглянул посмотреть на море. Глянул… а там!

А там женщина! Бесстыдница нагая, одалиска, во искушение диаволом посланная!

Перекрестился дьячок, висевший на груди крест святой поднял:

– Сгинь, сгинь! Пропади! Господи-и-и – Иисусе-е-е…

– Что ты кричишь, глупый? – прошептав по-своему, улыбнулась Меретя.

Вспомнив уроки Дома девичества, изогнулась, руками себя поласкав. По бедрам провела, по груди, подошла ближе, губы облизала.

– Ну, иди же сюда. Потрогай меня, не бойся!

Взяв руку дьячка, провела ею по животу, на грудь положила, сдавила пальцы, чувствуя, как твердеет сосок…

– Изыди!!! – вырвав руку, испуганно возопил Афоня. – Прочь! Прочь! Именем животворящего сего креста!

Господи, господи! Не дай бог, сейчас еще и атаман явится, этакое непотребство увидит! Вот ведь позор-то, позор!

– Сгинь, сгинь, поганица!

Искусительница, однако, не отставала – улучив момент, бросилась дьячку на шею, обняла, поцеловать попыталась.

– Да уйди ты!

Оттолкнув поганку, Афоня схватил прислоненное к оградке часовни весло и изо всех сил огрел им посланницу дьявола.

Та, закрывшись руками, попятилась и, как показалось дьячку, зашипела.

– Ага! – Афонасий воспрянул духом. – Вот тебе, вот! Н-на! Получи, сатана гнусная!

Меретя быстро отскочила в сторону – сей варвар орудовал веслом резко и неумолимо, и такие у него при этом были глаза, что дева сообразила быстро – убьет! Запросто. Да и больно было, в конце-то концов.

– Бесхвостый нуер! Отрыжка трехрога!

Выругавшись, похотливица разозленно плюнула, стараясь попасть варвару в глаз. Промахнулась да, уклонившись от очередного удара, побежала к лодке. Столкнула на воду, схватила весло, поплыла, глядя, как, показывая на нее, весело хохочут другие варвары – те, что плыли навстречу, на островок. Один – военный вождь, второй – здоровущий, третьего Меретя тоже видала, только не помнила, какое место тот занимал, был ли благородным или простолюдином. Да что теперь в этом! Теперь-то они ее запомнят, да молодой жрец разозлился… Казнят! Тут и думать нечего. Значит, возвращаться не нужно. Бежать! Тем более удобный такой случай – челнок. Проплыть вдоль берега, сколько возможно, потом выбраться – и в Хойнеярг. А там и рассказать, что людей-то у варваров

маловато, что один их отряд пропал, а второй вот-вот на поиски выйдет. И всего-то останется в крепости три десятка воинов! Остальные – женщины, дети. А еще – пленницы. Такие, как сама Меретя. Уж эти-то варварам помогать не станут! Самое время напасть. Эх, уговорить бы только главного колдуна в Хойнеярге. Или хотя бы военного вождя. Так-то было бы славно! Собрать колдунов и воинов, послать могучих длинношеев, страшных зубастых двуногов, вонючих менквов… Все разгромить, сжечь. А женщин да детей – отдать на съеденье драконам! Вот тогда порадуется Меретя, отомстит за все свои обиды.

Мелькало в жилистых руках обиженной девчонки весло. Ходко плыла лодка. Остался позади остров с крепостью белых, слева показалась впадающая в залив река. Там где-нибудь и причалить. Отдохнуть, а дальше – вверх по реке. Сдаться поскорей первой же страже, обо всем рассказать, к жрецам, в Хойнеярг, попроситься. Ох, помоги, повелитель смерти, грозный Темуэде-ни! Вот, возьми мою кровь!

Специально прикусив язык, беглянка семь раз плюнула в море:

– Возьми мою кровь! Помоги!

Появление летучего всадника произвело недоброе впечатление на атамана. Хоть и понимал, что прав, скорее всего, Михей, что не соглядатай то был, специально к острогу посланный, а просто обычный приграничный стражник, но тем не менее на душе у Ивана было как-то нехорошо, неспокойно. Даже моленье в часовенке, в «пустыне», не помогло, тем более перед ним увидали в челне растрепанную нагую девку.

Ладно хоть Афоня обсказал, как на духу, как было дело, Иван с Михейкой да кормщиком Кольшей Огневым позабавились преизрядно, а отсмеявшись, переглянулись с тревогою: интересно, куда девка та похотливая подалась? Уж ясно, не обратно в острог, знать, к своим колдунам, за леса, за болота. Поди, доберется, коли какая-нибудь зубастая тварь по пути не сожрет. Доберется и что скажет? Мол, острожников можно голыми руками брать? Почитай, казаков-то и нет, одни бабы да детушки малые и остались?

Ну, положим, голыми руками острог взять трудно, да и невозможно почти, даже колдовством самым черным, но тем не менее пастись бы немножко надобно.

Подумав и посоветовавшись, решил атаман Иван Егоров с поисковым отрядом горячку не гнать и не торопиться. Посидеть в остроге с недельку, до праздника рождества крестителя Господня Иоанна Предтечи, немножко выждать, а уж там, со Христом и молитвами – в путь.

Так вот и порешили – на рождество Иоанна Предтечи, помолясь, и отчалить. А ныне пока молились заступнику народа воинского – святому Николаю Угоднику. Молились да песни по вечерам пели:

Ой, кто, кто Николая любит,

Ой, кто, кто Николаю служит,

Тому святый Николай

На всякий час помогает!

Помогает… Ну, это кому как. Язычникам как-то – не очень. Ну, так на то они и язычники. Вот, как Нойко…

Казалось, напрочь забытый всеми, несчастный парнишка сидел в глубоком подземелье храма мужского бога и тосковал, со страхом прислушиваясь к утробному урчанью дракона, временами – голодному, злому, но большей частью – сытому и довольному, кормили чудовище до отвала! В кровавом подземелье хватало еды – томившиеся там пленники (и пленницы) были привязаны друг за другом к большой и прочной балке, подпирающей наверху золотую статую великого и грозного божества. Каждый день проголодавшееся чудовище, жадно клацая зубами, пожирало крайнего, после чего на некоторое время успокаивалось и довольно урчало, а безмолвные жрецы подтаскивали к крайнему концу балки очередную жертву.

Как видно, для большего устрашения узников наверху зияла изрядных размеров дыра, сквозь которую в узилище проникал дневной свет, дрожащий и тусклый. Ужасный ящер, похоже, неплохо видел и в темноте, не нуждаясь в свете – но так, в полутьме, было страшнее, – приговоренные к страшной смерти люди могли в подробностях лицезреть ожидавшую их участь во всем ее омерзении.

Как и бахвалился сутулый колдун, дракон мужского бога не был настолько большим, чтобы, подобно двуногу, заглотить свою жертву сразу, одним хапком. Нет, он поедал ее по частям, откусывая руки и ноги, со смаком взрезая когтями живот и с хлюпаньем втягивая в себя окровавленные сгустки истерзанных внутренностей. Пару раз Нойко уже имел сомнительное удовольствие наблюдать подобный омерзительный пир – чудовище уже успело по очереди растерзать двух девушек, над чем, посмеиваясь, наблюдали сверху, через лаз.

Вчера ящер растерзал последнюю узницу… остался один Нойко.

Мальчишка сначала кричал, пытаясь добиться справедливости в той мере, в какой она ему виделась сейчас:

– Эй, кто-нибудь! Я же вам все рассказал, все! Вы ж обещали… у-у-у-у…

В ответ раздавалось лишь злобное шипение ящера, ворочавшегося в своем пропитанном кровью углу. Нойко попытался было ударить его по мозгам силою своей мысли – куда там, никакие заклинанья не действовали, этот быстроногий дракон – охотник, и мозг его развит вполне… не то что маленький умишко огромного – до небес – длинношея!

Да, увы, это было так… а, скорее, ящер просто-напросто был прикрыт оберегом, коего Нойко, правда, не чувствовал в силу неразвитости своего дара. Еще ведь в учениках ходил.

Дабы не сойти с ума от ожидавшей его ужасной участи, дабы последние часы его были бы окрашены хоть какой-то радостью и покоем, несчастный узник пытался представить себе что-нибудь хорошее, доброе из того, что когда-то было в его короткой, но довольно-таки бурной жизни. Вот только хорошее и доброе почему-то не вспоминалось, а вдруг привиделось, как когда-то, года два назад, он, Нойко, с приятелями украли у торговца красивые перья – дело было как раз перед праздником масок. Украситься, правда, не успели – торговец привел воинов, и воришки получили плетей, да таких смачных, что плечи ныли полгода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/posnyakov_andrey/propavshaya-vataga

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить